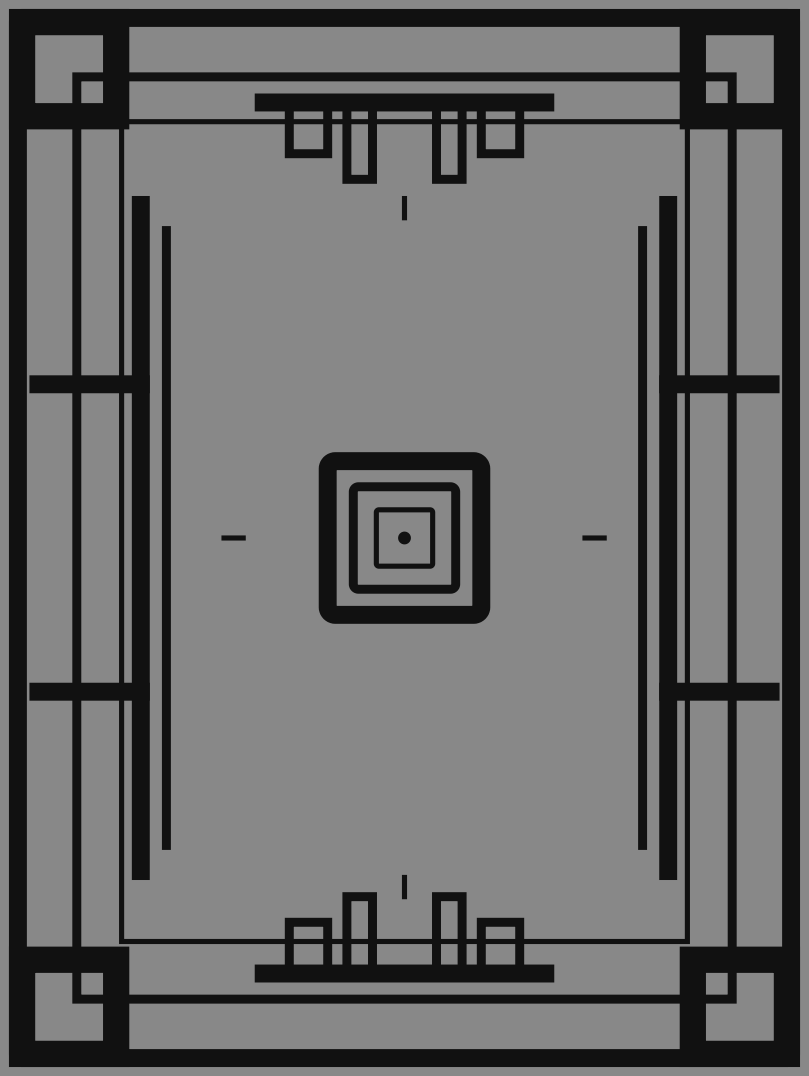

Горькая правда
Дэвид Лодж

Аннотация
Дэвид Лодж. Горькая правда
От автора
1
2
3
4
Послесловие

Аннотация

Повесть (2000) хорошо известного (в том числе и российскому читателю) англичанина (р. 1935), написанная на базе одноименной пьесы 1998 года. Драматургическая основа текста очевидна: собственно авторский текст (не диалоги) более всего напоминает развернутые театральные ремарки. Формально перед нами — «четырехугольник»: прозаик-неудачник, его жена, его успешный коллега (вся тройка — близкие друзья еще с юности) и журналистка, известная своими скандальными интервью. Частная история, затрагивающая прежде всего вопросы журналистской этики (прежде всего — возможность публичного обсуждения личной жизни популярных личностей), в финале мощно рифмуется с реальной национальной трагедией, случившейся по вине вездесущих папарацци. (*Дело происходит летом 1997 года*). Опубликовано в журнале "Иностранная литература", № 7-2009.

Дэвид Лодж
Горькая правда

Повесть
Перевод с английского Т. Казавчинской

От автора

Эта повесть основана на моей пьесе с тем же названием, которая впервые была поставлена в феврале 1998 года Бирмингемским репертуарным театром, а через некоторое время вышла в издательстве "Секер и Уорбург". Я переписал некоторые диалоги, восстановил купюры, сделанные по разным причинам и на разных стадиях ее сочинения, изменил кое-какие детали и кое-что добавил. Но в общем и целом это та же история.

Д. Л.

1

Посвящается Лии
Шила в мешке не утаишь. (Пословица)

В конце ухабистой проселочной дороги, милях в полутора от шоссе, ведущего к деревне, стоит одинокий коттедж. Заметить с шоссе просвет в живой изгороди, а в нем небольшой, неровно выкрашенный и выцветший от непогоды деревянный указатель — столбик и приколоченную к нему дощечку с фамилией "Ладлоу", — весьма непросто, еще труднее догадаться, что это знак человеческого жилья. За небольшим всхолмием и купкой берез не видно дома и хозяйственных построек.

Местность эта не относится к числу самых живописных уголков Суссекса: клинообразная залежь неухоженных сельскохозяйственных земель зажата между шоссейными дорогами, которые ведут из Лондона в Брайтон и Уэртинг. Отсюда ближе к аэропорту Гэтуик, чем к Саут-Даунсу. Дом, хотя и старый, в архитектурном отношении мало примечателен. Видимо, два небольших, стоящих бок о бок коттеджа, изна-

чально предназначенных для сельхозрабочих, были потом соединены в одну постройку, дополненную — по новым временам — всяческими усовершенствованиями и удобствами.

К входной двери, находящейся в торце, ведет гравиевая дорожка — здесь же паркуются машины, а по длинному фасаду идут окна, переделанные из прежних дверей и глядящие в приветливый, простенький палисадник с лужайкой, цветочными клумбами и кустарником. Сзади от коттеджа отходит одноэтажная пристройка с хорошо оборудованной кухней и белой кафельной душевой кабинкой. Видны и другие строеньица — в том числе односкатный навес, под которым разместилась маленькая муфельная печь, а также нечто вроде сарайчика для садовых инструментов, правда, построенного из первоклассной древесины и с небольшим, врезанным в дверь квадратным оконцем, забранным темным матовым стеклом.

— А знаешь, — читает вслух надпись на коробке с кукурузными хлопьями Адриан, — тут восемьдесят четыре процента углеводов, из которых сахара всего восемь.

Погруженная в чтение газеты Элинор не отзывается. Адриан берет в руки следующую упаковку

и внимательно читает инструкцию.

— А в "Олл-брэн"{1} только сорок шесть процентов углеводов, зато сахара — восемнадцать. Как ты думаешь, восемнадцать из сорока шести — это лучше или хуже, чем восемь из восьмидесяти четырех?

Элинор снова не реагирует, но Адриана это ничуть не удивляет и не задевает. Он принимается за следующую коробку.

— Пожалуй, лучше всего — "Шредид уит"{2}: шестьдесят семь процентов углеводов, зато сахара меньше одного процента. Да еще без соли. Наверное, потому-то они такие безвкусные.

Он насыпает себе в тарелку "Шредид уит" и заливает обезжиренным молоком.

Дело происходит летом 1997 года. 9 часов утра, воскресенье, на Адриане и Элинор Ладлоу халаты, они сидят в общей комнате своего коттеджа — большой, уютной, с невысоким потолком; в одном ее конце — обеденный стол, в другом — диван, кресла и камин без решетки. От пола

{1} notes: 1

"All-Bran Breakfast" — сухие хлопья из непросеянной пшеничной муки с сахаром и солодом. (Здесь и далее — *прим. перев.*).

{2} notes: 2

"Shredded Wheat" — крученая пшеничная соломка (подается на завтрак с молоком).

до толка тянутся плотно набитые книгами полки, местами накренившиеся внутрь вследствие кривизны стен, из-за чего жилище напоминает эдакую современную обжитую пещеру. Кое-где на полках оставлены ниши для керамических ваз, кувшинов и чаш, выдержанных в едином стиле; такие же сосуды стоят и на маленьких столиках. В полки вмонтирован дорогой музыкальный центр, который в этот ранний час не работает, как и задвинутый в самый угол — куда-то между диванами и креслами — телевизор. Адриан еще за столом, а закончившая завтракать Элинор перебралась на диван и углубилась в чтение воскресных газет. Делает она это весьма методично: с одной стороны от нее высится стопка свежих, не разобранных на секции, аккуратно сложенных газет, с другой — ворох перелистнутых и отброшенных в сторону. Чтобы не испачкаться свежей типографской краской, она надела нитяные садовые перчатки.

— Наш новый фильм произвел фурор в Америке, — сообщает она, проглядывая раздел культуры в "Санди газет", — ну тот, о шеффилдских парнях-стриптизерах.

— Для американцев в нем, может, и есть какая-то извращенная экзотика. Но у нас, по-моему,

этим никого не удивишь. Что еще новенького по части художественных дерзаний?

— Дэмиен Хёрст{3} намерен выставить обезглавленного искусствоведа в аквариуме с формальдегидом, — говорит она, но тут же поправляется: — Да нет, это шутка.

— В наше время поди отличи одно от другого, — замечает Адриан.

— В Королевской опере назревает скандал.

— Все привычное так умиротворяюще действует на душу.

Где-то в вышине слышен рокот реактивного самолета. Коттедж Ладлоу находится всего в двенадцати милях от Гэтуика, причем в зоне программных полетов. Адриан и Элинор, в отличие от их гостей, которые порой пугаются шума, давно не обращают на него внимания.

— А что на первых полосах?

Элинор откладывает в сторону "Газет" и вынимает новостной блок "Санди сентинел".

— Скукота, — докладывает она, — сплошные каникулы Дианы и Доди аль-Файеда.

{3} notes: 3

Дэмиен Хёрст (p. 1965) — британский художник из группы "Молодые британские художники". Основная тема творчества — смерть; многократно выставлял трупы животных в формалине. Один из самых дорогих художников в мире.

— Так об этом уже было в то воскресенье! — недоумевает Адриан.

— Главная сплетня сезона, — объясняет Элинор. — Одна из бульварных газетенок уплатила четверть миллиона за снимки парочки, целующейся на борту его яхты.

— Да за такие деньги можно приличного Пикассо купить. А уж небольшого — точно, — сокрушается Адриан.

Тут взгляд Элинор доходит до газетного подвала, она делает большие глаза и вскрикивает:

— Боже мой!

— Что такое?

— Быть того не может! — она отбрасывает газету и начинает рыться в стопке непрочитанных секций "Сентинела".

— Что могло потрясти ее столь сильно, спросил он себя, — паясничает Адриан, который в свое время был писателем. — Не отрекся ли от пэрства Джеффри Арчер, не устремился ли в дальний путь на одном из своих личных поездов Ричард

Брэнсон?{4} Не…

— Тут говорится, что в "Сентинел ревью" напечатано интервью с Сэмом, — прерывает кривлянье мужа Элинор. — Изготовлено Фанни Таррант.

— А, да-да, — кивает Адриан.

Элинор смотрит на него с удивлением.

— Ты что, знал об этом?

— Ну, вроде того. Эта дамочка, Таррант, звонила мне в связи с этим.

— Ты ничего не говорил.

— Просто забыл. Тебя, наверное, дома не было.

— Что ей было надо?

— Разведать про Сэма: кто он да что он.

— Надеюсь, ты не удовлетворил ее любопытства.

— Я сказал, что не стану обсуждать своего старинного друга у него за спиной.

— Да уж, — Элинор находит наконец нужный блок "Сентинел ревью" и вытаскивает его из пачки, — тем более с Фанни Таррант. Такие, как

{4} notes: 4

Джеффри Хауэрд Арчер, пэр (p. 1940) — бывший член парламента Великобритании, писатель; политическая карьера кончилась тюремным заключением. Ричард Чарльз Николас Брэнсон (p. 1950) — английский промышленник, основатель корпорации "Вэджин", куда входят авиа- и железнодорожная компании, издательство, радиостанция и многое другое.

Сэм, ей на один зуб.

Ложка с "Олл-брэн" замирает на полдороге ко рту, а уставившийся в нее Адриан выдавливает из себя:

— Положим, Сэм тоже не подарок.

— Сэр Роберт Дигби-Сиссон рыдал в голос, когда прочел, как его расписала Фанни Таррант, — сообщает Элинор, не переставая искать нужную страницу "Ревью".

— А ты откуда знаешь? — любопытствует Адриан.

— Читала в какой-то газете. Вот, нашла. Бог ты мой, что за дикая фотография! Значит, статья и того хлеще. Полюбуйся! — она показывает Адриану газетный разворот с большим цветным портретом Сэма Шарпа. — В сапогах для верховой езды! Он и верхом-то ездить не умеет. И лошади у него нет.

— Это ковбойские сапоги. Он в них гоняет на мотоцикле по бездорожью.

— На мотоцикле по бездорожью! Когда он повзрослеет? Во всяком случае, сфотографировался он перед компьютером, а не на мотоцикле и выглядит дурак дураком в этих своих сапогах... Ну и ну! Нет, ты только послушай.

Элинор начинает читать вслух:

Для сына лавочника, торговавшего табаком в унылом Дептфорде{5}, Сэмюэл Шарп добился в жизни немалого. В Суссексе ему принадлежит окруженный рвом фермерский дом XVII века, переоборудованный по последнему слову техники, теннисный корт и 150 акров пахотных земель, которые он сдает в аренду соседним фермерам, так как самому ему заниматься хозяйством недосуг: он слишком занят изготовлением телесценариев, причем на весьма выгодных условиях. Обходя с важным видом свои владения — в ральф-лореновских{6} джинсах, заправленных в ковбойские сапоги на каблуках, — он откровенно упивается ролью землевладельца. В его случае каблуки и впрямь штука не лишняя, так как ростом он не вышел. Тема эта для него болезненная. "Ни при каких обстоятельствах не спрашивайте, какого он роста, — предупредил меня один его друг, — а также почему он носит накладку из искусственных волос". А мне и невдомек было, что он носит накладку.

{5} notes: 5

Дептфорд — индустриальный район Лондона (стал административной частью столицы в 1965 г.).

{6} notes: 6

Ральф Лорен (р. 1939) — знаменитый американский модельер и бизнесмен.

— Один его друг! — возмущается Элинор. — Уж не ты ли это?

— Ну нет. А где у нас джем на фруктозе? Кончился, что ли? — раздражается Адриан.

Элинор продолжает читать вслух:

Легко догадаться, что запреты только подогрели мое любопытство. Все время, что мы беседовали, я, стоя на цыпочках, изо всех сил вытягивала шею, чтобы взглянуть на макушку Сэма Шарпа и рассмотреть его пресловутый паричок. Заметив это, он тоже встал на цыпочки, дабы воспрепятствовать моему намерению, поэтому со стороны мы выглядели как две балерины, которые разогревают ноги перед репетицией. Только вот полюбоваться на нас было некому. Миссис Шарп покинула ранчо три месяца назад. Поговаривают, что удалилась она к режиссеру последних серий "Сухого остатка" — мужнина телесериала, занявшего в этом году первое место на конкурсе в БАФТА{7}. Стоило мне коснуться этой темы, как Сэмюэл Шарп стал немногословен. "Мы с Лорой расстались по обоюдному согласию", — коротко бросил он. Между прочим, Лора — жена № 2; жена

{7} notes: 7

БАФТА — Британская академия кино- и телеискусства (BAFTA — British Academy of Film and Television Art).

№ 1 отбыла несколько лет назад, прихватив с собой двух их детей…

— А ей-то что до этого за дело? Да и всем прочим тоже? — негодует Элинор. Но тут же снова берется за статью:

Первое, что бросается в глаза в кабинете Сэмюэла Шарпа, — это облепившие все стены грамоты, дипломы, наградные свидетельства, обрамленные фотографии для прессы… — прямо итальянский ресторан, да и только. Второе, что вы замечаете, — зеркало в человеческий рост. "Чтобы комната казалась больше…" — объясняет хозяин, но каждому ясно, что причина в другом. Даже когда Шарп обращается к собеседнику, он не может удержаться от соблазна и не поглядывать на себя искоса в зеркало. Собираясь с визитом к Сэмюэлу Шарпу, я было задумалась, что это ему так не везет с женщинами. Уходила я, твердо зная ответ: из-за его павлиньего тщеславия.

Элинор глядит на Адриана, ожидая его реакции. Тот, намазывая тонким слоем джем на остывший тост, бормочет:

— Слишком сухо.

— Какое там сухо! Просто гнусно!

Некоторое время она читает про себя, то огор-

ченно вздыхая, то невольно давясь от смеха, затем снова не выдерживает:

— Боже мой, ты только послушай:

В рекламных листовках о героине последнего телефильма Сэма Шарпа "Тьма" сказано, что она нимфоманка. Я спросила его, видел ли он в жизни хоть одну нимфоманку. "Да… нет… все зависит от смысла, который вы вкладываете в это слово, — залепетал он. — Я встречал женщин, которые недвусмысленно давали понять, что готовы, подзадорь я их немного… ну, сами понимаете… однако трудно сказать, нимфоманки ли они в полном смысле слова…" Видимо, Шарп осторожно давал мне понять, что, когда его случайные знакомицы с ходу валятся на спину и раздвигают ноги, красавцу-мужчине, вроде него, невдомек, то ли это они такие темпераментные, то ли чары у него такие могучие, что устоять против них невозможно.

Элинор откладывает газету в сторону со словами:

— Сэм будет раздавлен, когда прочтет.

— Ну, можно сказать, сам напросился.

— Не очень-то ты сочувствуешь своему лучшему другу.

— Я не говорил — "лучшему", я сказал — "старинному".

— А кто же тогда лучший?

Адриан на мгновение задумывается.

— Ты.

Элинор нимало не растрогана.

— А кроме меня?

— Пожалуй, такового не имеется, — признается Адриан. — Как ни грустно, наличие оного нетипично для среднего возраста.

Адриан недавно отметил пятидесятилетие. Элинор несколькими годами моложе его. Лет тридцать тому назад он, она и Сэм Шарп вместе учились в одном провинциальном университете. Супруги Ладлоу стареют элегантно. Адриан высок, поджар, чуть сутуловат, с гривой серебряных волос, спускающихся на уши и затылок. На все еще миловидную Элинор приятно смотреть даже в столь ранний час — прежде чем она приняла ванну и наложила косметику. Густое облако прекрасных вьющихся волос обрамляет круглое, полное, изящно вылепленное лицо с упругой кожей, большими карими глазами, выразительными ртом и подбородком. У нее свои зубы и стройная фигура.

С гравиевой дорожки перед коттеджем доно-

сится звук паркующейся машины.

— Кто это может быть? — спрашивает Элинор.

Адриан выглядывает из окна и вытягивает шею, чтобы рассмотреть расположенную сбоку парковку.

— Сэм приехал.

— Очень остроумно, — говорит Элинор холодно, не отрывая глаз от статьи Фанни Таррант.

— Разве не Сэм владелец зеленого джипа с регистрационным номером "SAM i"[{8}]? — спрашивает Адриан.

Элинор вскакивает и подлетает к окну.

— Надо же, и вправду Сэм, — восклицает она. Потом бежит к дверям, замирает, поворачивается и швыряет Адриану "Сентинел ревью":

— Спрячь скорее.

— Зачем? — едва успевает спросить Адриан, но тут гремит звонок.

— Может, он еще не видел.

— Куда?

— Куда хочешь, — она идет открывать дверь.

Звонок заливается, Элинор спешит в холл, стягивая на ходу и запихивая в карман садовые перчатки. Адриану слышно, как щелкает замок,

---

{8} notes: 8

В Англии владелец автомобиля может за дополнительную плату заказать себе номер знак с нужным ему сочетанием букв.

отворяется дверь и следует радостный, делано-удивленный возглас Элинор:

— Сэм! Как ты здесь очутился в такую рань? Входи.

Адриан тем временем засовывает "Ревью" под диванную подушку. Затем по кратком размышлении заталкивает под диван и остальные газеты — на всякий случай! Тут как раз возвращается Элинор в обществе Сэма.

— Адриан, посмотри, кого я привела, — говорит она.

— Здорово, — бросает Сэм. Чем удачнее складывается его карьера, тем охотнее он подчеркивает, что он кокни. Однако приветствию его недостает теплоты, а улыбке — искренности: так здороваются на похоронах бывшие приятели.

Сэм держит в правой руке свернутую трубочкой газету, которой похлопывает по ноге. На нем свежевыстиранные, отутюженные джинсы и мешковатый замшевый пиджак — и то, и другое с лейблами известных дизайнеров. Сэм вовсе не такой коротышка, каким изобразила его Фанни Таррант, — роста он чуть ниже среднего. На лице густой загар, вокруг глаз пролегли морщинки смеха, в курносом носе, задранном над длинной верхней губой, есть что-то обезьянье.

— Надо же — Сэм! — удивляется Адриан, неубедительно подражая Элинор. — Что тебя привело сюда ранним воскресным утром? — Он делает шаг вперед и протягивает руку. Чтобы пожать ее, Сэму приходится переложить газету — тот самый номер "Сентинел ревью" — в левую руку.

— Лечу утренним рейсом в Лос-Анджелес из Гэтуика. Подумал, дай заскочу по дороге.

— Какая приятная неожиданность! Мы тебя сто лет не видели. Ты завтракал? — спрашивает Элинор.

— Загрузился по полной, — докладывает Сэм.

— Тогда, может, кофе?

— Спасибо, это было бы славно.

— Пойду заварю свежего.

Элинор берет в руки кофейник.

— Да нет, не стоит, — удерживает ее Сэм. — И этот сгодится. Люблю тепленький. — Он трясет свернутой газетой: — Читали?

— Что именно? — спрашивает Элинор.

— Сегодняшнюю "Сентинел". Видели, что эта сучка Фанни Террант написала обо мне? — Усаживаясь на диван, он чувствует под собой что-то твердое и вытаскивает из-под подушки газету. — Значит, читали, — огорчается он.

— Я только одним глазком успела посмот-

реть, — лепечет Элинор.

— А ты? — обращается Сэм к Адриану.

— Элли зачитала мне несколько фраз, — признается тот. Сэм бросает на Элинор укоризненный взгляд. Та передает ему чашку кофе со словами:

— Из самого начала.

— Что конец, что начало — без разницы!

— Ну и как ты по этому поводу себя ощущаешь?

— Как будто меня с большой высоты обделал стервятник, страдающий разлитием желчи.

Адриан смеется.

— Хорошо сказано. Только что придумал?

— Это цитата, — бурчит Сэм.

— Вот как? Откуда?

— Из моего предыдущего сериала.

— Сэм, — вступает в разговор Элинор, — как тебя угораздило дать этой особе интервью? Ты же читал ее художества.

— Я думал, что… да не помню как… — оправдывается Сэм. — Их такая прорва, этих баб, — со всеми их колонками, интервью…

— Не скажи, она особо славится… — возражает Элинор.

— Это я славлюсь, — возмущается Сэм, тыча указательным пальцем себе в грудь. — Она тут

без году неделю, рановато ей славиться.

— Ладно, не славится. Известна. У нее особая репутация.

— Ну, позвонила она мне как-то, и такие слюни распустила по поводу "Сухого остатка". Вроде ей и вправду понравилось.

— И ты купился на эту старую как мир приманку? — удивляется Элинор.

— Ну да… Мне и в голову не пришло, что человек, который так дельно судит о моей работе, может написать такое… — Сэм качает головой, словно и сейчас не верит, что Фанни Таррант способна на подобное коварство. — Еще и ленчем ее угостил. Сам все готовил: суп-пюре из шпината, пошированная семга под майонезом, причем не под дрянью какой-нибудь из баночки, вроде "Брилкрим", а растер собственноручно. И к этому бутылка "Pouilly-Fuisse" — пятьдесят кровных за ящик.

— Бедняга, — сочувственно вздыхает Элинор.

— Черная неблагодарность, да и только, — вторит ей Адриан. — И это после домашнего майонеза и всего такого прочего!

— Остришь, да? — накаляется Сэм.

— Нет, что ты, — оправдывается Адриан. Сэм смотрит на него недоверчиво. — Нет же, — по-

вторяет Адриан, энергично мотая головой, но его губы предательски подрагивают от смеха.

— Пойду-ка переоденусь, — решает Элинор. — Ты еще побудешь у нас, Сэм?

— С полчасика.

— Вот и чудно. Я мигом. Ты так давно не приезжал к нам.

— Был нечеловечески занят. Со всеми связь потерял.

— Кроме Фанни Таррант, — язвит Адриан. Элинор уже вышла из комнаты.

— Это ж в интересах дела, — не сдается Сэм. — Если ты сам, Адриан, махнул рукой на огни рампы, нечего смотреть свысока на нас, грешных, которым все еще приходится крутиться в этих лучах.

— *Крутиться в лучах огней рампы*...? Боюсь, Сэм, у тебя из-за голливудских контактов страдает стиль.

— Во вторник у меня как раз была одна встреча — чрезвычайно важная. Молю Бога, чтобы "Sunday Schadenfreude"{9} не попало на телестудию.

— Не надейся — отыщется добрая душа.

{9} notes: 9

"Воскресное злопыхательство" (англ., нем.).

— Благодарю за дружескую поддержку.

— Таков мир, в котором мы живем. Вернее, мир, в котором живешь ты.

— И что же это за мир такой?

— Мир, где бал правят массмедиа. Главный движитель культуры — перемывание косточек.

— То есть зависть, хочешь ты сказать, — уточняет Сэм. — Есть люди, которым просто дурно становится от чужого успеха. Если ты вкалываешь по-черному, делаешь себе имя, зарабатываешь деньги какие-никакие, они просто из кожи вон лезут, лишь бы тебя опустить.

— Но ты сам предаешь себя в их руки, когда соглашаешься на интервью с Фанни Таррант и ей подобными.

— Тебе легко говорить — она тебя ни о чем не просила.

— Ну почему же! Просила, — заявляет Адриан.

— Кто, Фанни Таррант? Когда?

— Несколько недель назад.

— И что ты ответил?

— Ответил: "Благодарствую. Не стоит труда".

— С чего это ей взбрендило тебя интервьюировать?

— Понимаешь, я не совсем забыт как писатель, вот в чем штука.

— Да нет, само собой. Я не то хотел… имел… — Сэм путается в словах.

— "Укрытие" включили в программу выпускных школьных экзаменов.

— И очень правильно сделали, — оживляется Сэм, вновь обретая почву под ногами. — Но "Укрытие" вышло чуть не двадцать лет назад. Воскресные газеты обычно нацеливаются на что-нибудь посвежее. В чем тут фишка?

— Фишка?

— Ну да, смотри, — Сэм терпеливо объясняет Адриану, как малому ребенку, — информационный повод для моего интервью — предстоящая телепремьера "Тьмы".

— А, понимаю.

— Но вряд ли Фанни Таррант захотела бы интервьюировать тебя потому, что на прилавках появилось "Все лучшее о крикете" — так вроде называется твоя новая антология?

— Нет, самая новая — "Завещание и последняя воля", — поправляет Адриан. — Я и сам не знаю, почему ей вздумалось меня интервьюировать. Это получилось как-то между делом. Она ведь звонила, чтобы задать мне несколько вопросов о *тебе*…

— Надеюсь, ты ей ничего не сказал.

— Ясное дело, нет.

— Но кто-то сказал. Кто-то сказал ей о моей…

— Накладке? — подхватывает Адриан. И поскольку Сэм гневно вперяется в него, тут же спешит добавить: — Это не я!

Сэм вроде бы верит.

— Попадись мне она сейчас, своими бы руками придушил сучку, — вырывается у него.

— Ну, чего ты так злишься? Именно этого она и добивается. Не доставляй ей удовольствия. Посмейся.

— Ты бы так не говорил, если бы дочитал до конца.

— Что ж, значит, надо прочесть. — Адриан забирает у Сэма газету. Находит нужную страницу и читает про себя. Через несколько мгновений начинает сопеть, еле сдерживая смех. — А ей не откажешь в остроумии, правда? — обращается он к Сэму.

— Ты находишь? — гневно выпаливает тот.

— Какого она типа? — спрашивает Адриан, продолжая читать.

— Сексапильная, но фригидная. Хорошие ноги. Сиськи толком разглядел — жакет мешал.

Адриан со вздохом отрывает взгляд от газеты.

— Да нет, в социальном плане.

— Ну, — Сэм ненадолго задумывается, — типичный пригородный кадр — девица из Эссекса{10}. С апломбом. Кончила Базилдонскую среднюю, в Кембридже специализировалась по английскому. Называет себя постфеминисткой.

— Вот именно. Адриан зачитывает вслух:

Сэмюэл Шарп сказал: "Никогда не понимал, что значит это слово".

Я объяснила: "Это значит, что я феминистка, но без фанатизма". Он ответил, плутовато улыбаясь: "О, в таком случае я тоже постфеминистка". Я возразила, что не могу в это поверить, зная, как достается женщинам в его сценариях. Он взвился: "Что вы имеете в виду?" Я объяснила, что посмотрела все его телефильмы и телесериалы на видео и в каждом полно женщин в чем мать родила на фоне одетых по всей форме мужчин. В "Сухом остатке" — это стриптиз-клуб, в "Мазке" — мастерская художника, в "Температурной кривой" — операционная, в "Долгих вам лет" — пип-шоу, в "Стремнине" — сцена изнасилования, в "Полагаю, вы доктор Ливингстон" — невольничий рынок…"

{10} notes: 10

Девицами из Эссекса стали называть в 80-90-е малообразованных, разбитных блондинок, приезжавших на уик-энд из близлежащих провинциальных городков с целью завоевать Лондон.

Адриан подымает взгляд на Сэма, который во время этого перечисления начинает нетерпеливо ерзать.

— По-моему, она на совесть выполнила домашнее задание, не находишь?

— Она вырывает из целого кусочек и раздувает его значение до небес, — возмущается Сэм. — Каждую из этих сцен нужно рассматривать в контексте.

Адриан продолжает читать вслух:

В последнем его фильме, "Тьма", который он режиссировал самолично, тоже есть сцена, где юная героиня долго расхаживает по квартире в обнаженном виде, пока готовит ужин для своего с головы до ног одетого партнера.

— Она же думает, что он слепой! — восклицает Сэм.

Адриан в ответ читает вслух:

"Она же думает, что он слепой!" — воскликнул Сэмюэл Шарп. Словно это что-то меняет. Я возразила: "Но нам-то известно, что он зрячий. И это лишь усиливает возбуждающий эффект, не правда ли? Разве не таковы фантазии школьника: стать невидимкой, чтобы забраться в девчоночью раздевалку?" Тут глаза Сэма Шарпа забегали

и стали устремляться в сторону зеркала с прямотаки пугающей частотой.

— Достаточно, тебе уже все понятно. Продажная писака, — говорит Сэм, протягивая руку, чтобы отнять у Адриана газету, но тот продолжает читать вслух. Похоже, это доставляет ему удовольствие:

Я сказала, что мне известно, какой шум он поднял, когда за сцену изнасилования в "Стремнине" его исключили из закрытого клуба. Он заявил, что он тут ни при чем и что "это исполнительница роли устроила бучу, словно до этого никто ее не видел без трусиков". Я спросила, что бы он почувствовал, если бы с него сорвали исподнее на глазах у кучки мрачно молчащих мужчин с железными прутьями в руках. Он возразил: "Актерам приходится иногда выставлять на всеобщее обозрение свою задницу. Выставляю же я напоказ свою душу каждый раз, когда касаюсь пальцами компьютерной клавиатуры".

Адриан отрывается от газеты и вскидывает глаза на Сэма.

— Неужели так и сказал: "Выставляю напоказ свою душу каждый раз, когда касаюсь пальцами компьютерной клавиатуры"?

— Может, и сказал, — в голосе Сэма слышно смущение. — Но все остальное — сплошное вранье и передергивание. Я напишу письмо в газету.

— Напиши. Напиши непременно. Только не посылай, — советует Адриан, откладывая газету в сторону.

— Почему?

— Потому что это признание в собственной слабости.

— Но должен же я что-то делать.

Оба некоторое время молчат и размышляют.

— Можно вывести Фанни Таррант в твоем следующем сериале в виде отпетой нимфоманки, расхаживающей в дезабилье, — предлагает Адриан.

Сэм мотает головой.

— Я уж думал об этом. Не удастся прорваться через адвокатов.

— Тогда можно просто улыбнуться и проглотить пилюлю.

Сэм смотрит в упор на Адриана:

— Было бы больше толку, если бы отпор дал не я, а кто-нибудь другой…

— Ну уж нет, уволь, — отмахивается Адриан.

— От чего?

— Хочешь, чтобы в "Сентинел" написал я?

— Нет, у меня есть идейка получше, — загорается Сэм. — Положим, ты соглашаешься на интервью с Фанни Таррант…

— По-моему, это идейка хуже некуда, — прерывает его Адриан.

— Да погоди… Помнишь, как мы разыграли того репортера из местной газетенки в 69-м? Во время итальянской забастовки?

Адриан смеется.

— Такое не забывается, — и, подняв кулак, декламирует: "Революционный студенческий комитет требует, чтобы профессоров назначали демократически избранные комитеты, представляющие все секторы университета…"

— "Включая вахтеров, официанток и уборщиц", — подхватывает Сэм. — Не забудь!

— "Чтобы экзамены заменили самоаттестацией".

— "Чтобы для студенческих пар были установлены в общежитии двуспальные кровати".

— "Чтобы на семинарах было разрешено курение марихуаны".

— Он все это старательно записал, отнес в редакцию, и ультиматум напечатали на первой полосе "Пост"!

Они дружно смеются над воспоминанием, пока

до Адриана вдруг не доходит:

— Но ты же не думаешь, что я попытаюсь обвести вокруг пальца Фанни Таррант? — спрашивает он.

— А почему бы и нет?

— Прикинуться педофилом-наркоманом, который бьет жену смертным боем, так что ли? В расчете на то, что Таррант окажется достаточно глупа, чтобы напечатать подобное?

— Ну зачем так сгущать краски… — морщится Сэм.

Адриан качает головой.

— Нет, Сэм, это не желторотая провинциальная журналисточка. С ней такое не пройдет.

— Да-а. Пожалуй, ты прав, — огорченно вздыхает Сэм. Он глубоко задумывается, хмурясь и невольно гримасничая. И вдруг восклицает: — Постой! — Лицо его светлеет. — *Постой. Эврика*! Скажем, ты честь по чести даешь ей интервью, но, пользуясь случаем, пишешь разгромную штуку о *ней* и посылаешь в какую-нибудь другую газету?

— Как это?

— Ну, помнишь сатирические скетчи о разных человеческих типах, которые ты сочинял для нашего студенческого журнала? "Каналья-капеллан, охочий до клубнички", "Проректор-проны-

ра". Ну, что-нибудь в этом роде.

— Что-то вроде "Интервьюер-интриган"?

— Да, в общем и целом. Если будет понятно, о ком идет речь, пристроить будет проще простого. Немало людей охотно поглядят, как Фанни Таррант приводят в чувство. Я знаю человека в "Кроникл", который это с руками оторвет.

— Не сомневаюсь, Сэм, но…

Сэм вприпрыжку носится по комнате, наслаждаясь блеском своего замысла.

— Отплатить сучке ее же монетой! Ты берешь у нее интервью, пока она думает, что это *она* его берет! Раскопать всю ее подноготную. Узнать, какого хрена ей надо. Откуда столько зависти. Столько злобы. Все разложить по полочкам. Пусть отведает собственного варева. Разве не здорово?

— А ты не думаешь, что она заподозрит неладное, если я ей позвоню и скажу, что передумал?

— Не-эээ. Ты и представить себе не можешь, до чего они наглые, эти людишки. Они думают, что весь мир умирает от желания дать им интервью.

— Вряд ли я произвел на нее такое впечатление, — сомневается Адриан.

— Ну, тогда мы найдем кого-нибудь другого, кто позвонит от твоего имени, — не сдается Сэм. — Твой агент! Идеальное алиби: ты вскользь

упомянул о предложении Таррант, и он уговорил тебя принять его.

— Джеффри был бы в восторге, если бы мое имя снова появилось в газетах, но…

— Вот видишь! — вскрикивает Сэм. — У тебя потрясающе получится. Вверни заодно словцо-другое про культуру перемывания косточек. Получишь удовольствие от работы.

— В твоем плане есть один просчет.

— Какой же? — недоумевает Сэм.

— Я подставлюсь, и Фанни Таррант привлечет меня к суду за клевету.

Сэм ненадолго замолкает, но тут же говорит:

— Совсем необязательно.

— Необязательно?

— Да… Она не всегда ведет себя так стервозно.

— Ты вроде бы не мог вспомнить, читал ли ты раньше ее писанину.

— Мне разок попалась вполне приличная вещица о ком-то. Кто же это был? — Наморщив лоб, он пытается вспомнить.

— Наверное, мать Тереза? — шутливо подсказывает Адриан.

— Бог мой, да нет же, из-за матери Терезы она просто лопалась от злости, — отмахивается Сэм.

— Мать Тереза давала ей интервью?

— Нет, это было в какой-то из ее постоянных колонок… От одной только мысли, что человек может быть по-настоящему добр и не на шутку знаменит, Фанни Таррант на стену лезет.

— Ну, по этой части мне ничего не грозит, — смеется Адриан.

— Послушай, — серьезно заявляет Сэм. — Эти люди не могут писать *одни только* пасквили, иначе никто не согласится разговаривать с ними. Время от времени им нужно печатать что-нибудь человеческое, иначе придется закрывать лавочку. Держу пари, что она выбрала тебя в качестве следующего *доброго малого*.

— А ты надеялся, что вакансия достанется тебе?

Судя по выражению лица Сэма, Адриан попал в точку.

— Брось, Адриан. Я же твой старый товарищ. Сделай это для меня. Ну пожалуйста! — и Сэм театрально бухается перед Адрианом на колени.

Элинор, переодевшаяся в просторный ситцевый балахон, появляется в комнате.

— Что тут происходит? — спрашивает она со смехом.

— Он хочет *заказать* мне Фанни Таррант, чтобы я с ней поквитался, — объясняет Адриан.

Сэм поспешно и неуклюже подымается с колен и мямлит:

— Ну, когда Адриан сказал мне, что она сгорает от желания взять у него интервью…

Элинор переводит взгляд на Адриана.

— Фанни Таррант хочет проинтервьюировать тебя?

— Она обмолвилась об этом, когда звонила по поводу Сэма.

— Идея заключается в том… — пытается прорваться Сэм.

— С какой стати? — все внимание Элинор сосредоточено на Адриане.

— Не знаю. Наверное, пыталась меня умаслить.

— Идея, понимаешь, состоит в том, — не сдается Сэм.

— Идея *Сэма* состоит в…

— Моя идея состоит в том, что Адриан соглашается на интервью с Фанни Таррант ради того, чтобы написать о ней разгромную статейку… не говоря ей ни слова, конечно… — Сэм тарахтит, потирая руки, а Элинор по-прежнему не сводит глаз с Адриана. — С каждой минутой мне это все больше нравится. В результате может родиться совершенно новый жанр. Всякому терпенью есть

предел! *Художники дают сдачи.* Черт возьми, самое время. Эти молодые говнюки слишком долго творили, что хотели. Сколько можно скрипеть зубами и делать вид, что ничего не происходит? Почему бы нам для разнообразия не сорваться с цепи и не врезать этим гадам по полной? *Художники всех стран, объединяйтесь!* Нам нечего терять, кроме своей честной игры. — И он тычет кулаком в воздух.

— Не глупи, Сэм, — по-матерински одергивает его Элинор, словно перевозбудившегося ребенка. Адриан сует под мышку "Сентинел ревью" и бочком пробирается к двери. — Куда это ты собрался? — останавливает она его.

— В туалет, прошу прощения.

Сэм показывает на газету.

— С этим?

— Надо же что-то почитать, — с этими словами Адриан покидает комнату.

— Подотрись ею! — кричит Сэм ему вслед.

— Зачем так волноваться? — обращается к нему Элинор. — Это всего лишь ничтожная статейка, написанная ничтожной журналисточкой.

— Да, но ее прочтут все мои знакомые, — нервно меряя шагами комнату, возражает Сэм. — В эту самую минуту по всему Лондону и всем соседним

графствам за тысячей столов воздух дрожит от смеха, как от дыма жертвенника. — Он берет в руки керамическую вазу. — Красиво. Твоя?

— Да.

— Очень изящно… Ты продаешь свои вещи?

— Не тебе. Если нравится, возьми в подарок.

— Не может быть и речи. Сотни достаточно?

— Слишком много.

— Я дам тебе семьдесят пять. — Он достает чековую книжку.

— Чересчур щедро. У меня остались только разрозненные предметы… Семидесяти пяти более чем достаточно.

— У тебя настоящий дар. — Сэм садится за стол и выписывает чек. — Элли, скажи, я на самом деле такой кусок дерьма, как пишет эта сучка?

Элинор делает вид, что ей нужно подумать, прежде чем ответить. Она переводит взгляд на потолок, потирает подбородок.

— Ну ладно, я немножко тщеславен, — признается Сэм, — но у меня есть все основания гордиться собой. Три награды БАФТА, две — от Национального общества телевидения, одна — "Эмми", одна — "Серебряная нимфа"…?

— "Серебряная нимфа"?

— Да. С телефестиваля в Монте-Карло, там вру-

чают "Серебряную нимфу". Еще золотая коровья лепешка из Люксембурга — по крайней мере так она выглядит. Пожалуйста, — он протягивает ей чек.

— Спасибо.

— А теперь, когда я взялся за настоящий игровой фильм, может, я и "Оскара" получу.

— О чем фильм?

— О Флоренс Найтингейл.

— Да что ты о ней знаешь?

— Побольше, чем продюсеры, а это главное. Сценарий на самом деле уже имеется. Они хотят, чтобы я его переделал.

— Полагаю, сцена с голой Флоренс Найтингейл там предусмотрена?

— Смейся, смейся. Мне, Элли, предложили триста тысяч долларов за месяц работы. И дом с бассейном на Беверли-хиллз на это время.

— Ну и ну!

— А что мне радости, если успех не с кем разделить? — хнычет Сэм, явно пережимая. — Я один-одинешенек в своем роскошно обставленном загородном доме, слоняюсь по комнатам, устланным коврами, в которых утопает нога, и прислушиваюсь к тиканью часов, моля Бога, чтобы зазвонил телефон.

— Ты же сказал, что был очень занят, даже не мог приехать к нам? — напоминает Элинор.

— Я *и* занят, *и* одинок. Это всеобщее бедствие. В наше время и в нашем веке оно встречается на каждом шагу. К тому же… — голос Сэма замирает.

— Что к тому же?

— Ну, понимаешь, в этом нелегко признаться, но, честно говоря, Элли, мне стало трудно встречаться с Адрианом. Ты же помнишь, как было раньше. Он писал свои романы, я — свои пьесы. И мы рассказывали друг другу, как идет дело. Теперь я являюсь и начинаю трепаться о своих планах, а у него ни черта нового, и рассказать нечего. Это все равно, что играть в теннис с безруким противником.

— Адриану это неважно.

— А мне важно. Из-за этого я чувствую себя… бахвалом.

— Ну что ты, — сухо успокаивает его Элинор.

— Он стагнирует. Вы оба пребываете в состоянии стагнации.

— Ничего подобного, — не соглашается Элинор. — Я занимаюсь своей керамикой, Адриан — антологиями.

— Вы не двигаетесь с места.

— Очень даже двигаемся — гуляем по холмам в Даунсе. Ездим к морю.

— Я не о прогулках и поездках.

Элинор принимается вытаскивать газеты из-под дивана и аккуратно складывать в стопку.

— Если ты имеешь в виду премьеры, презентации с банкетами, "Граучос"{11} и тому подобное…

— Да, именно тому подобное.

— Мы утратили к этому интерес.

— Адриан, может, и утратил, а ты — нет. Иначе зачем бы ты выписывала все эти воскресные газеты?

Элинор улыбается с хитринкой.

— Из-за *накладки*.

— Если бы ты вышла за меня, ты бы всюду *бывала*, а не *читала* о том, что где происходит.

— Сегодня утром это не кажется такой уж заманчивой перспективой.

— Да уж! — соглашается Сэм. — *Накладка*. — Напоминание о Фанни Таррант ввергает его в тоску. — Сучка! — После паузы он продолжает: — Почему Адриан бросил писать?

— Только романы. Говорит, что устал от них.

{11} notes: 11

Закрытый артистический клуб; назван по имени Граучо Маркса (1890–1977), одного из братьев — участников знаменитого в США комедийного квинтета "Братья Маркс".

— Писатели не уходят в отставку. Никто не делает этого по доброй воле.

— Он перешел на публицистику, — отбивается Элинор.

— Ты имеешь в виду его антологии? Для этого нужны лишь ножницы и клей.

— А как же предисловия?

— О да, предисловия, — иронизирует Сэм. — Элли, ради Бога, Адриан Ладлоу был когда-то самым многообещающим английским романистом.

— Ну, это было очень давно, — бросает Элинор резко, словно задвигает открытый по ошибке ящик. — Сэм, я не хочу обсуждать это с тобой вот так, в отсутствие Адриана.

Он подкрадывается к Элинор сзади и кладет руки ей на талию.

— Если бы мы были любовниками, это звучало бы более естественно, — шутливо замечает он.

Элинор ловко высвобождается из его объятий.

— Ты хочешь помириться с Лорой?

— Лора осталась в прошлом. Это была ошибка с самого начала.

— Мне всегда казалось, что ты слишком стар для нее.

— Нет, это она была слишком молода для меня, — парирует Сэм. — Но ты права. Мне нужна

зрелая женщина.

— Надо было держаться за Джорджину.

— Ты хочешь сказать, что Джорджине следовало держаться за меня. — Сэм мрачнеет при упоминании о первой жене. — Я все думаю, не Джорджина ли сказала этой сучке, что я ношу…

— Накладку? — подхватывает Элинор. Сэм явно раздосадован.

— Прости, Сэм, я не хотела задеть тебя. Тем более сегодня.

В знак примирения она целует его в щеку. Он обнимает ее за шею и целует в губы. Элинор сначала отвечает ему, но тут же отталкивает:

— Нет, Сэм…

— Но почему?

— Ты просто используешь меня, чтобы успокоить свое уязвленное эго.

— Нет, что ты!

— Используешь, используешь. У тебя под рукой нет никого другого в этот ранний воскресный час.

— Элли, не проходит и дня, чтобы я не пожалел о том, что ты вышла не за меня, а за Адриана.

— Лгун.

— Чистая правда!

— Адриан сделал мне предложение, а ты —

нет.

— Но он же схитрил. Мы в те дни отрицали брак, помнишь?

— Я старалась.

— И собирались основать коммуну.

Элинор издает короткий, саркастический смешок.

— Хороша была бы коммуна с двумя писателями сразу.

— Но Адриан видел, что в глубине души ты жаждешь старой буржуазной стабильности. Небось он даже на колени стал, когда просил твоей руки?

— Сэм, я не желаю говорить о прошлом, — не выдерживает Элинор. Она явно огорчена.

— Не буду, — говорит Сэм и в знак капитуляции подымает руки.

— Сам знаешь почему.

Адриан появляется сначала в холле, а потом в комнате в ту самую минуту, когда Элинор произносит эту фразу. На нем теплый спортивный костюм и кроссовки, на шее — полотенце, в руке — "Сентинел ревью".

— Что это он такое знает?

— Ничего, — отрезает Элинор и принимается собирать на поднос грязную посуду.

Сэм оглядывает Адриана с головы до ног и с ног до головы.

— К чему эта спортивная форма?

— По воскресеньям я обычно бегаю трусцой, а потом парюсь в сауне.

— Только не говори, что ты до сих пор паришься в этом вонючем чулане для садовых инструментов.

— Сантехника весьма улучшилась с тех пор, как ты у нас был в последний раз, — возражает Адриан. — Жаль, что тебе некогда и ты не можешь составить мне компанию.

— Исключено — у меня от сауны сыпь по всему телу.

— Какая жалость, — сокрушается Адриан. — Тебе бы это пошло на пользу. Выпарил бы яды Фанни Таррант из организма.

— Адриан считает, что сауна — панацея от всех бед, — поясняет Элинор. — А может, сварить тебе свежего кофе, Сэм?

— Нет, вот сок — было бы замечательно, если у тебя есть.

— Ладно, сейчас.

С этим словами Элинор уносит поднос на кухню.

Адриан кладет газету на стол.

— Я дочитал до конца.

— Понимаю твою осторожность — с ней нужно держать ухо востро, — говорит Сэм, — но, если твоя и ее статьи выйдут одновременно, это выбьет почву у нее из-под ног.

— Я не боюсь Фанни Таррант, — сухо замечает Адриан.

— Нет, пожалуй, лучше *опередить* — пусть твоя появится раньше, — продолжает Сэм, не прерывая хода своих мыслей. — "Сентинел" может тогда вообще не печатать ее статью о тебе. В любом случае…

— Сэм…

— В любом случае, продажи твоих анонсированных книг подскочат, что бы она ни написала.

— А я и без того неплохо продаюсь, — не сдается Адриан. — "*Укрытие*"…

— …включено в программу выпускного экзамена. Ты уже говорил. Но так ты не разбогатеешь, Адриан. Как и от новой антологии лучших текстов очередной занудливой фигни. Что тебе нужно, так это телесериал и одновременно издание "Укрытия" в бумажной обложке. Вот что я тебе скажу: отнесу-ка я его на Би-би-си в сценарный отдел.

— Там уже сто лет назад отвергли его.

— Да, но на этот раз в сценаристы я предложу *себя*.

— Ты мог это сделать давным-давно.

Сэм явно испытывает неловкость.

— Да, мог, наверное, но ты же знаешь, как это бывает. Я был так загружен…

— Сэм, не пытайся подкупить меня.

— Ничего подобного! Ничего подобного! — бурно протестует Сэм. — Я толкну "Укрытие" на *Бибишку*, как только вернусь из Штатов. И сделаю это, независимо от того, вырвешь ли ты жало у Фанни Таррант или нет. Честно. Единственное, о чем я прошу, — подумай об этом. — Сэм смотрит на часы. — Господи, мне пора… Просто подумай, ладно?

— Я уже подумал, — заявляет Адриан. — Я это сделаю.

Сэм остолбенело смотрит на него.

— Что?

— Я пытался вставить слово, но не мог прорваться. Я принял решение, пока сидел в сортире. Я это сделаю.

Элинор, в эту минуту появившаяся с подносом, на котором стоят кувшин с соком и стаканы, замирает на месте.

Сэм ошарашен заявлением Адриана.

— Здорово! — произносит он и с тревогой глядит на Элинор, которая пристально смотрит на Адриана.

— Сделаешь что? — спрашивает она Адриана, который мягко улыбается, но ничего не говорит.

— Я побежал, Элли, — говорит Сэм. — Прости, что морочил голову с соком. — Он поворачивается к Адриану: — Я позвоню Питеру Ривзу из "Кроникл", скажу ему, чтобы связался с тобой.

— Ладно, — соглашается Адриан.

— Сообщи мне, как идут дела. У тебя есть электронная почта?

— Нет, — признается Адриан. — Есть факс. Номер как у нашего телефона.

— Я сообщу тебе по факсу свои контактные номера, когда прибуду в Лос-Анджелес. — Не надо провожать, сам выйду. *Ciao*.

Сэм на прощанье машет им рукой и стремительно выбегает из комнаты.

Элинор по-прежнему не отрывает взгляда от Адриана и повторяет вопрос:

— Сделаешь что?

Не успевает он открыть рот, как Сэм снова возникает на пороге и врывается в холл.

— Главное, — внушает он Адриану, — найти ее слабое место, ахиллесову пяту, постыдную

тайну.

— А может, у нее таковых не имеется? — возражает Адриан.

— У всех имеются.

Похоже, что это утверждение производит на Адриана и Элинор более сильное впечатление, чем ожидал Сэм. Воцаряется молчание, которое он вынужден прервать:

— Ну ладно… пока, — выдавливает он. — Элли, вазу я заберу на обратном пути.

— Сэм, задержись на минутку, — требует Элинор.

— Извини, надо бежать, — отвечает он и исчезает. Слышно, как хлопает дверь.

Элинор поворачивается к Адриану.

— Не хочешь ли ты сказать, что согласился на это дикое предложение? Ты же не собираешься давать интервью Фанни Таррант?

— Собираюсь, если она не пошутила.

— Ты что, рехнулся?

— Не думаю.

— Ты видел, во что она превратила Сэма. Тебе понравится, если она так же выпотрошит тебя?

— А мне все равно.

— Правда? Откуда такая уверенность?

— Потому что я больше не участвую в забеге.

Вышел из игры.

— Какой такой игры?

— Я не борюсь за славу. Мне нечего терять. В отличие от Сэма, мне наплевать, что скажет обо мне Фанни Таррант.

— Вот как… Хорошо, тогда зачем тебе выигрывать забег для Сэма?

— Он обещал переделать "Укрытие" для Би-би-си.

— Ничего не получится, — отрезает Элинор.

— Знаю, — кивает Адриан.

— Зачем же ты согласился?

— Если статейку напечатают, я получу гонорар… В "Кроникл", полагаю, платят прилично. Ты сможешь купить себе новую муфельную печь — ту, что давно присмотрела.

Элинор не обращает внимания на его отговорки и продолжает настаивать:

— Зачем, Адриан?

Он какое-то время колеблется, потом отвечает:

— Ну, понимаешь, мне трудновато найти тему для следующей антологии.

— Нет, не понимаю.

— Вернее, тема есть. Только что в туалете мне пришла в голову мысль: пусть это будет антология лучших интервью в истории. От античных

времен до наших дней. Начиная с Сократа и Иона из Эфеса{12} и кончая Фанни Таррант и ее интервью с составителем.

Если это и переубедило Элинор, то лишь отчасти.

— Ты хочешь включить свое интервью с ней?

— Это был бы довольно свежий поворот, не находишь?

— А если она напишет такую же пакость, как о Сэме?

— Что ж, это лишь добавит книге веса. А я прослыву крепким малым, которого голыми руками не возьмешь.

— А если она не даст разрешения на публикацию?

— Тогда я вместо ее статейки включу свою, — не сдается Адриан. — В любом случае опыт общения с Фанни Таррант очень мне пригодится, когда я буду писать предисловие.

— Неужели я не сплю и слышу это на самом деле! После всего, через что мы прошли! — Она обводит взглядом комнату, словно хочет найти живую душу и воззвать о помощи, но тщетно. — А эта твоя "статейка" — с чего ты взял, что у тебя по-

---

{12} notes: 12

Имеется в виду диалог Платона "Ион", где Сократ беседует с Ионом из Эфеса.

лучится? Ты никогда не писал ничего подобного.

— Ну почему же. А скетчи о человеческих типах в старом "Жур…"?

— Адриан, то были студенческие шалости.

— Кстати сказать, удачные.

Элинор пристально смотрит на него.

— Я знаю, в чем дело.

— Ага, чую, в воздухе запахло психоанализом, — отшучивается Адриан. — Подготовлюсь-ка к сеансу и приму надлежащую позу. — Он укладывается в шезлонг.

Элинор не реагирует на его кривляние.

— Ты надеешься вернуть то золотое время, когда вы с Сэмом были друзьями — близкими, а не старинными, как теперь. Перед вами лежал мир.

— Продолжай, пожалуйста, — говорит Адриан, не отрывая глаз от потолка.

— …и вы были в равном положении. Нет, пожалуй, перевес был твоей стороне. Так считали почти все. Но сегодня Сэм — преуспевающий писатель, а ты… — Элинор осекается: ищет подходящее слово.

— Неудачник? — подсказывает Адриан.

— Я хотела сказать, чуть ли не пенсионер. Да каким словом ни назови, все равно тебе будет больно. Ты воображаешь, что окажешь Сэму

услугу и вы опять сойдетесь?

— Оригинальная теория, — говорит Адриан и встает с шезлонга. — Должен признаться, что эта затея вызывает у меня холодок нетерпения — ничего подобного я уже давным-давно не испытывал. Сочинением романов я ведь не слишком упивался.

— Кому-кому, а мне можешь об этом не рассказывать, — говорит Элинор.

Адриан глядит на часы.

— Пойду-ка на свою пробежку, а то не успею попариться перед ленчем.

— Ты еще пожалеешь!

— Не пожалею. Даю слово.

Он целует ее в щеку и уходит. Элинор некоторое время с тревогой смотрит ему вслед, потом садится за стол, разворачивает "Сентинел ревью" и принимается читать с того места, на котором ее прервал Сэм.

2

В следующий понедельник часов в одиннадцать утра Адриан ожидает появления Фанни Таррант. Он дома один. Фотограф из "Сентинел" уже побывал тут, все перевернул, нащелкал бесчисленное количество кадров и отбыл, предоставив Адриану самому возвращать мебель на место. Пока все идет по плану, составленному на прошлой неделе. Адриан сообщил своему литагенту Джеффри, что Фанни Таррант интересовалась, не даст ли он интервью, тот позвонил ей и договорился о встрече. Заведующий отделом культуры в "Санди кроникл", Питер Ривз, с которым Сэм провел соответствующую работу, позвонил Адриану и сказал, что газета очень хочет получить памфлет "Интервьюер-пасквилянт". От Сэма прибыл факс с его лос-анджелесским адресом и контактным телефоном, заодно он интересовался, как идет дело, но Адриан не ответил. И объяснил Элинор, что хочет сначала посмотреть, как пройдет интервью с Таррант, прежде чем возьмет на себя какие-либо обязательства. Элинор заявила, что слышать обо всем этом не желает, и дого-

ворилась со своей племянницей Розмари, что день, на который намечено интервью, проведет у нее в Ист-Гринстеде. И перед назначенным часом так и сделала — уехала молчаливая, полная неодобрения. Не успело стихнуть пыхтенье проржавевшей выхлопной трубы ее удалявшегося "пежо", как послышался ровный шум мотора — подъехало такси Фанни. Адриан вытаскивает из музыкального центра диск с Генделем, который там тихо играл, и настраивает кассетную деку на запись: на одной из книжных полок притаился небольшой переносной микрофон.

Адриан отворяет дверь миловидной молодой женщине лет двадцати восьми или чуть больше, с коротко стриженными — явно у дорогого парикмахера — светлыми волосами, элегантной: в короткой юбке, строгом, сшитом на заказ жакете, с черным дипломатом в руках.

— Мисс Таррант? — спрашивает Адриан.

— Да, — она едва заметно улыбается, словно ее забавляет церемонность приветствия.

— Входите, пожалуйста.

Он ведет ее в общую комнату.

— Это ваша жена выехала из ворот, как раз когда мое такси сворачивало к дому? — спрашивает она. О ее произношении можно сказать, что так

говорят образованные провинциалы.

— Да. Отправилась в Ист-Гринстед проведать племянницу.

— Жаль. Я надеялась с ней познакомиться.

— Именно этого она и хотела избежать.

— Да? А почему?

— Она вас читает, — поясняет Адриан. — Присаживайтесь, пожалуйста. — Фанни выбирает шезлонг. Адриан устраивается в кресле. — Особо ей запомнилась статья про искусствоведа. Ну того, с двойной фамилией.

— Сэра Роберта Дигби-Сиссона?

— Да-да, его самого, — подтвердил Адриан. — Вы весьма немилосердно высказались по поводу ногтей леди Дигби-Сиссон.

— А что, ваша жена тоже грызет ногти? — спрашивает Фанни бесстрастно, как будто ею движет чисто академический интерес.

— Нет, просто она не любительница риска: ей не хочется предстать в вашей статье в столь же неприглядном виде.

— Надо понимать так, что она не одобряет идею этого интервью, — заключает Фанни.

— Да, не одобряет.

Фанни открывает дипломат, достает репортерский блокнот и маленький кассетный маг-

нитофон.

— Вы не возражаете, если я буду записывать? — спрашивает она, показывая на магнитофон.

— Нисколько, если вы не возражаете против того, что я тоже буду записывать.

— Сколько угодно.

Она проверяет, на месте ли кассета, нажимает на кнопку "включение" и кладет магнитофон на кофейный столик, разделяющий собеседников.

— Вам надо включить свой магнитофон?

— Нет, я уже включил. — Адриан делает жест в сторону музыкального центра.

— А, понятно. Довольно далеко.

— Там очень чувствительный микрофон — для записи речи. Полагаю ваш не хуже.

— Чудо техники, — подтверждает она. — А зачем вам нужна запись?

— Чтобы не возникло разногласий, говорил ли я то-то и то-то или не говорил.

— Разумно, — соглашается Фанни. Открывает свой блокнот, достает ручку из дипломата и обводит взглядом комнату. — А у вас хорошо. Вы давно здесь живете?

— Раньше мы приезжали сюда только на уикэнды, — охотно объясняет Адриан, — но дом тогда был поменьше. А когда решили уехать из

Лондона, купили смежный коттедж и снесли брандмауэрную стенку.

Фанни делает заметки, видимо, о меблировке и убранстве комнаты.

— Вы собираете керамику? — интересуется она. — Она тут повсюду.

— Моя жена керамист. Но она бросила лепить, когда мы переехали за город.

— Вы ведь довольно давно женаты, если не ошибаюсь? — спрашивает она, не отрываясь от блокнота.

— Пожалуй. По сегодняшним меркам.

— И у вас двое сыновей.

— Они уже взрослые, вылетели из гнезда. А вы замужем?

— Нет, — бросает Фанни.

— Но у вас есть… как это сегодня говорится?

— Бойфренд.

— Да-да, — подхватывает Адриан. — Как его зовут?

— Крайтон, — говорит Фанни.

— Так и пишется?

— К-р-а-й-т-о-н. — Фанни подымает голову от блокнота. — Почему вы спрашиваете?

— А чем занимается мистер Крайтон?

— Крайтон — это имя, а не фамилия, — бросает

она.

— Вот как? Вы хотите сказать, что это крестное имя?

— Вряд ли он крещеный.

— Значит, язычник в некотором роде?

— Их сейчас полным-полно вокруг, знаете ли. А вы считаете себя христианином?

— Ну, я бываю в местной церкви на Рождество, на праздник урожая и так далее, — перечисляет Адриан. — Вношу деньги в общественный фонд на кровельные работы. Я верю в англиканскую церковь как в институцию. Что касается доктрин, не уверен. Не думаю, что викарий в самом деле… А вы?

— Меня воспитывали в католической вере, но в церкви уже сто лет не была.

— А почему?

Фанни вздыхает в ответ:

— Послушайте, так будет тянуться до бесконечности, если вы будете задавать вопросы *мне*.

Адриан мягко улыбается.

— У меня впереди целый день.

— Ладно, — говорит Фанни. — У меня тоже. Так как насчет миссис Ладлоу?

— Она не вернется до самого вечера.

— Ясно. Кстати, как все прошло с Фредди? —

Адриан явно не понимает, о ком идет речь. — С фотографом?

— А, ну да. Наверное, как положено… забавная штука — фотосессия, правда?

— Забавная? Почему? — недоумевает Фанни.

— Ну, какие-то люди заявляются к вам, переворачивают все вверх дном… — тут Адриан замечает, что одна картина покосилась, встает и поправляет ее. — Расставляют повсюду свои лампы, штативы, экраны, цирковые обручи…

Фанни хмурится, не понимая.

— Цирковые обручи?

— Такие складные штуки, чтобы отражать свет… Затем требуют, чтобы вы изогнулись самым нелепым образом, и все это время болтают без умолку, словно парикмахер во время бритья, и просят сделать веселое лицо…

— Фредди просил вас сделать веселое лицо?

— Он — нет, но обычно все они просят, — вспоминает Адриан. — Вернее, обычно просили в ту пору, когда меня часто фотографировали на обложку.

Адриан снова усаживается в кресло.

— Фредди не вяжется к модели — на то он и первоклассный портретист.

— И все же если вспомнить о количестве потра-

ченной им пленки, он довольно экстравагантен, не находите?

— Ничего, это только пленка, — сухо бросает Фанни.

— Несомненно. Однако к чему такая куча снимков одной и той же физиономии?

— Чтобы найти один, который больше всего говорит о том, кого вы снимаете. Выражение лица меняется неуловимо и очень быстро — вы не знаете, что получилось, пока не проявите пленку, — говорит она непререкаемым тоном, как человек, которому давно известен ответ на заданный вопрос. — Вот почему на фото вы узнаете о человеке больше, чем в жизни.

— А из интервью вы тоже узнаете о человеке больше, чем в жизни?

— Интервью *и есть* жизнь. Мои — во всяком случае.

— Да полно вам! — машет рукой Адриан.

— Я ничего не выдумываю. Для чего пользуюсь магнитофоном.

— Но ваш репортаж — это ведь не *все* сказанное? Вы оставляете за бортом менее интересное?

— Конечно, — подтверждает Фанни. — Иначе было бы слишком длинно. Да и тоскливо.

— Но вырезая части разговора: длинноты,

повторы, затянувшиеся паузы, — вы его фальсифицируете.

— Пока никаких пауз не было.

— Будут, — твердо заявляет Адриан и не мигая выдерживает ее пристальный взгляд.

Полминуты проходят в молчании.

— Ладно, — произносит наконец Фанни, — не стану спорить. Интервью не точная копия действительности. А выборка. Интерпретация.

— Игра, — подхватывает Адриан.

— Игра?

— Игра для двоих, — поясняет Адриан. — Вопрос лишь в том, каковы правила и какова цена победы. И соответственно поражения. — Он мягко улыбается. — Хотите кофе? На плите стоит горячий.

— Спасибо.

— Вам какой?

— Черный, без сахара.

— Очень правильно, — одобрительно отзывается Адриан и уходит на кухню.

Фанни сидит не шевелясь, пока он не возвращается с двумя чашками на подносе.

— Для меня, — говорит она, словно разговор и не прерывался, — это не игра. Для меня это сделка. Бартер. Интервьюер получает текст. Ин-

тервьюируемый — известность.

— Но мне не нужна известность, — возражает Адриан.

— Тогда зачем вам интервью?

— А вам?

— Я первая спросила, — не уступает Фанни.

— Ну хорошо. Мне было любопытно.

— Любопытно — что?

— Любопытно узнать, зачем я вам понадобился. — Фанни отвечает на эту увертку иронической усмешкой. — Вы обычно берете интервью у знаменитостей. А я уже давно не знаменитость. Если вообще когда-либо был ею. Почему я?

— А мне тоже было любопытно узнать, — парирует Фанни, — почему вы больше не знаменитость. Почему перестали писать, почему выпали из литературного сообщества?

— У меня и сейчас выходят книги.

— Да, знаю. Антологии лучших текстов о… Их может составлять кто угодно.

— Ну, все же не кто угодно, — деликатно протестует он. — Нужно *уметь читать*. Знать, что на какой полке стоит.

— Ваш роман так много значил для меня когда-то, — вдруг вырывается у нее.

— В самом деле?

— Я прочла "Укрытие" в пятнадцать, — продолжает она. — Тогда меня впервые потрясла книга современного автора. Я и сейчас думаю, что это лучшее, что написано о подростках в послевоенной британской литературе.

— Спасибо. Большое спасибо. — Адриан явно польщен. — Знаете, "Укрытие" включили в программу выпускных школьных экзаменов.

— Господи, какая тоска!

— Почему же?

— Для меня главное в "Укрытии" было то, что это не библиотечная отсидка, не домашнее задание от сих до сих, не экзаменационная жвачка. А что-то совсем мое, тайное, опасное.

— Понимаю, — говорит он, чуть улыбаясь.

— А вы не можете это запретить?

— Вряд ли, — сомневается Адриан. — Да и потиражные мне не помешают.

— Нас в школе было несколько человек, — вспоминает Фанни, — что-то вроде тайного общества. Мы собирались вместе и читали "Укрытие" вслух, а потом спорили — конечно не о литературных достоинствах, а о том, кто нам больше нравится: Мэгги, Стив или Алекс, — и о том, что с ними будет потом, когда книга кончится. Это было как религия. "Укрытие" стало нашей библией.

Адриан поражен:

— Милостивый Боже, и сколько же это продолжалось?

— Целый семестр. Летний.

— Ну, а потом на каникулах вы читали другую книгу и у вас появилась новая религия?

— Нет, другой такой книги у нас больше не было, — сказала она. — Правду сказать, я привезла свой старый, зачитанный экземпляр, чтобы вы его подписали, если не возражаете.

— Какие же тут могут быть возражения!

Фанни достает из дипломата старый пингвиновский пожелтевший томик в видавшей виды обложке и передает его Адриану. Он пишет на форзаце: "Фанни Таррант с наилучшими пожеланиями. Адриан Ладлоу". Значит, вы учились в закрытой школе? — говорит он, еще не закончив писать.

— Как вы догадались?

— Вы сказали "библиотечная отсидка", — с этими словами он возвращает книгу Фанни, которая, взяв ее, скользит взглядом по надписи.

— Спасибо.

Она прячет книгу в дипломат.

— А я считал, что вы учились в средней школе в Базилдоне.

— Кто вам такое сказал?

— Сэм Шарп.

— Я все ждала, когда же всплывет это имя, — ехидничает Фанни. — С мистером Шарпом вот какая история: он не слушает, что ему говорят. На самом деле я сказала совсем другое: я *жалею*, что не училась в средней школе в Базилдоне.

— Почему же?

— Это бы лучше подготовило меня к профессии журналиста, чем монастырская школа для девочек в Гэмпшире, — объясняет она. — Так. Может, вернемся к вам? Почему вы перестали писать романы?

— Решил, что завершил свой труд. И мне больше нечего сказать.

— Прямо так?

— Прямо так.

— И вас это не расстроило?

— Одно время расстраивало. Затем я стал извлекать из этого удовольствие.

— Каким образом?

— Представьте, что у вас кончился бензин и машина застряла в пути, — растолковывает ей Адриан. — Сначала вам это действует на нервы, вы бегаете, дергаетесь, но через некоторое время начинаете радоваться тишине и спокойствию.

Различаете звуки, которые прежде тонули в шуме мотора. Видите вещи, которые на ходу казались смазанными пятнами.

— А у вас когда-нибудь кончался так бензин на самом деле?

— Честно говоря, нет.

— Так я и думала.

— Это фигура речи.

— А вам не обидно, что ваши современники продолжают писать и печататься?

— Нисколько. Вокруг такая пропасть писателей, которым больше нечего сказать, а они всё не унимаются и тискают каждый год по книжке.

— Каких таких писателей вы имеете в виду?

— Тех же, что и вы.

Ее явно забавляет услышанное, но недоверчивое выражение не покидает ее лица.

— Не могу поверить, что вы сдались так легко.

Адриан набирает побольше воздуха в легкие:

— Вас удивляет, как я мог отказаться от всех этих долгих, одиноких часов, когда сидишь, уставясь в пустую страницу, грызешь кончик шариковой ручки и пытаешься из ничего создать нечто. Вдохнуть жизнь в существа, которых до этой минуты на свете не было, придумать им имена, родителей, образование, манеру одеваться,

имущественный статус… Решить, голубые у них глаза или карие, прямые волосы или вьющиеся. Бог ты мой, что за скука! А затем изнурительная, каторжная, гранильная работа заталкивания всего этого в слова — да какие! Свежие, незатертые будто они достались вам оптом на распродаже… А затем нужно привести все это в движение — заставить героев действовать, завязывать отношения, совершать поступки, причем чтобы это было интересно, и правдоподобно, и неожиданно, и забавно, и трогательно в одно и то же время. — Нанизывая эпитеты, он один за другим загибает пальцы. — Да это все равно что играть в шахматы не на доске, а в воздушном пространстве, — продолжает он. — Форменный ужас. *Вы* бы пожалели о таком?

— Я бы пожалела о конечном результате: о чувстве удовлетворения от того, что создала нечто долговременное. О воздействии, которое оказываю на людей.

— Но вы почти никогда не знаете, что это за воздействие. Писать романы — все равно что совать послания в бутылки и бросать их в морской прилив — неизвестно, где их выбросит на берег и как их поймут те, что откупорят. — Он добавляет: — Между прочим, с бутылками я *именно так*

и делал.

— Ну а рецензии? — спрашивает Фанни.

— Вот именно, рецензии, — говорит он после некоторой заминки.

— Разве они не дают ощущения обратной связи?

— Они очень много говорят о рецензенте и совсем мало — о вашей книге, — признается он.

— Я начинала с того, что писала рецензии на новые фильмы для еженедельной кинопрограммы. Вряд ли я там самовыражалась, — возражает она.

— А что, эти ваши рецензии отличались такой же жестокостью, как интервью?

Фанни смеется пренебрежительно.

— Скажете тоже — жестокостью?

— Ваши конкуренты пишут, сэр Роберт Дигби-Сиссон счел вас жестокой — он рыдал, когда читал ваше интервью.

— Он плакал, когда *давал* интервью, — поправляет она Адриана. — У этого взрослого дяди глаза всегда на мокром месте. Ему покажи палец, и он тут же заревет. Когда он не утирал слезы платком, он пытался хватать меня за коленки.

— В вашей статье это не упоминалось.

— Упоминалось, только вырезали. Адвокаты

подняли шум: у меня, дескать, нет свидетелей. Эта штука, — она кивает на магнитофон, — не реагирует, когда вас глядят по коленке.

— Вы проявили жестокость и к моему другу Сэму Шарпу, — упорствует Адриан. — Он был страшно травмирован.

— Ничего, переживет, — бросает Фанни.

— Смею полагать, переживет, — не спорит Адриан.

— Хотя, по правде говоря, меня несколько удивило, что вы согласились встретиться со мной *сразу* после выхода интервью с ним, — признается она. — Я даже подумала: может, это ловушка?

Адриан невольно вздрагивает.

— Ловушка? Какая еще ловушка?

— Ну, может, мистер Шарп притаился где-нибудь в доме.

Адриан громко смеется.

— О нет! Сэм в Лос-Анджелесе. Ну а будь он тут, что бы он мог сделать? Наброситься на вас?

— Всякое бывает. Знаете Бретта Дэниела?

— Актера?

— Не прошло и недели после того, как вышло его интервью, и на банкете после премьеры он нарочно облил мне платье красным вином — целый стакан в вырез выплеснул. А затем в

качестве противоядия — якобы для того, чтобы вывести пятно, — добавил белого.

— Это иногда в самом деле помогает, — бормочет Адриан, затем спрашивает: — Вы подали на него в суд?

— Я прислала ему здоровенный счет за новое платье. Но он сказал всем своим дружкам, что не жалеет ни об одном пенни: дело того стоило.

— Но вы же не думаете, что Сэм выпрыгнет сейчас из-за угла и метнет в вас стакан вина, правда?

— Стакан — нет, но оскорбление — мог бы.

Адриан складывает кончики пальцев и опирается на них подбородком.

— Вас не смущает, что, как вы знаете заранее, большинство людей после интервью возненавидят вас?

— Да нет, такая профессия, — пожимает она плечами.

— Странная какая-то! Вроде убийства.

— Вы нарочно меня подначиваете?

— Нет-нет! Но согласитесь, ваши статьи обычно обладают убийственной силой. Этого и ждет от вас читатель?

— Он ждет профессиональной журналистской работы, и, надеюсь, — говорит с вызовом Фан-

ни, — я его не разочаровываю. Что вы думаете о младшем поколении британских прозаиков?

— Стараюсь вовсе о них не думать. Но вы же не хотите сказать — не правда ли? — что все эти орды читателей с нетерпением искали бы вашу страницу в газете, если бы у вас была слава *самого доброжелательного британского интервьюера*?

— Ничего подобного я не хочу сказать, — отрезает Фанни. — А хочу, несмотря на неожиданно возникшие трудности, взять у вас интервью.

— Ваши читатели не желают опускаться так низко, чтобы узнавать о любовных интрижках футболистов и поп-звезд из таблоидов? И вы доставляете им удовольствие в более изысканной форме, изображая великих и достойных в виде отпетых дураков?

— Для этого они в моей помощи не нуждаются. Я лишь рассказываю об увиденном.

— Скажите, — спрашивает Адриан задушевным тоном человека, который и впрямь хочет докопаться до истины, — после того, как вы пишете какую-нибудь из ваших по-настоящему мерзких статей, вроде той, что вышла о Сэме…

— Ну что вы, я могу написать гораздо круче, — перебивает его Фанни.

— Ничуть не сомневаюсь, — замечает Адриан с

улыбкой. — Положим, вы изготовили подобный опус и опубликовали его, вы потом воображаете себе, как ваша жертва читает написанное? Я хочу сказать, вот, например, Сэм, воскресным утром, едва встав с постели, в халате и шлепанцах ковыляет в холл, берет с коврика "Санди сентинел" и спешит на кухню, чтобы почитать ее за первой чашкой чаю; вот он торопливо добирается до рецензионного раздела, чтобы найти ваше интервью, вот улыбается, увидев свое цветное фото, занимающее всю полосу, Фредди изобразил его сидящим перед "Эппл-Маком", вот он начинает читать, но улыбка мигом сбегает с его лица, как только он натыкается на первый выпад, сердце у него начинает бешено колотиться, в животе холодеет, кровь бросается в голову: до него доходит, что все написанное — сплошное издевательство, что его подставили по всем правилам. Я хочу понять, вы рисуете себе эту картину? Она вас заводит? Вы поэтому занимаетесь таким ремеслом?

Впервые за все утро Фанни выглядит несколько сконфуженной.

— Нельзя ли нам вернуться к обычному способу взаимодействия, когда вопросы задаю я? — нервно осведомляется она.

— Но почему?

— Так заведено. Интервьюер задает вопросы, интервьюируемый отвечает.

— Вот потому-то интервью — такая искусственная штука, — объясняет Адриан. — Это не настоящий диалог. Это допрос.

— Что ж, и у допроса есть свои плюсы, — не дает сбить себя с толку Фанни.

— Какие, например?

— Возможность выяснить истину.

— Ах, истину… — отзывается Адриан. — "Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям…"{13}. Вам никогда не приходило в голову, что мои вопросы могут больше сказать обо мне, чем мои ответы?

— Благодарю, я предпочитаю придерживаться собственного плана.

— Значит, вы не собираетесь цитировать вопросы, которые я вам задавал?

— Я пока понятия не имею, что я собираюсь цитировать, — с раздражением бросает Фанни.

— Думаю, вам сначала придется прослушать всю запись, — размышляет вслух Адриан.

— У меня будет расшифровка.

— Вы правите на компьютере? — интересуется

{13} notes: 13
Ин.18:38.

он. — Или сначала от руки?

— Вы хотите вывести меня из себя?

— Нет! Нет! — протестует Адриан.

— Все это словно взято из пособия для журналистов-дебилов, — иронизирует Фанни. — "Сто бессмысленных вопросов писателю": "Вы работаете ежедневно? Вы пишете от руки или на компьютере? Вы продумываете сюжет до конца, прежде чем сесть за работу?"

Адриан подхватывает с понимающей улыбкой:

— "Ваши романы автобиографичны?"

— Нет, это не бессмысленный вопрос, — не соглашается Фанни.

— Ну, не знаю. Зато ответы я всегда давал бессмысленные: "Мои романы — смесь пережитого, личных наблюдений и работы воображения. Хочу надеяться, что мои читатели не могут отличить одно от другого, а порой — не могу и я сам".

— И ответ тоже не бессмысленный, — снова не соглашается Фанни и делает пометки в блокноте.

— Зачем записывать, если у вас работает магнитофон? — удивляется он. — Дополнительные меры предосторожности? На случай, если сядут батарейки?

— Магнитофон регистрирует ваши слова, —

объясняет она, — а блокнот — мои комментарии.

— Ага, — откликается он. — Можно мне взглянуть?

Он тянет руку к блокноту.

— Нельзя, — отрезает она. — Ваше первое детское воспоминание?

— Первое воспоминание… м-м-м. — Он на мгновение задумывается. — Но оно не настоящее. Я смотрю в небо на летающие крепости.

— Бомбардировщики? — догадывается она.

— Да. Американские Б17… Я сижу в прогулочной коляске. Мама вывезла меня подышать воздухом в местный парк — мы жили в то время в Кенте — в городке Фэвершем, там часто летали самолеты, но это, видимо, был какой-то особенный, массированный рейд — тысяча машин, выстроившихся в боевом порядке. День стоял ясный, солнечный, и вдруг все вокруг содрогнулось от мощного раскатистого гула — словно исполинский мотор сотряс небеса. Люди в парке застыли и, заслонив глаза рукой, устремили их вверх. Я заплакал. А мама сказала; "Не бойся, Адриан. Это просто летающие крепости". Я прищурился, посмотрел на небо… Самолеты поднялись так высоко, что разглядеть их было невозможно, видны были только белые полоски: меловые линии на голубой доске неба.

Но я все же внушил себе, что видел аэропланы. Вернее, как я полагал, крепости: квадратные, массивные, каменные, с подъемными мостами, зубчатыми стенами, бойницами и развевающимися флагами — волшебным образом все это плыло по небесному своду. Несколько лет я носил в себе этот образ, пока не пошел в первый класс и не нарисовал на уроке мои летающие крепости. Учительница посмеялась, когда я объяснил, что изображено на моем рисунке.

— Замечательный рассказ, — бросает Фанни.

— Спасибо.

— Загвоздка лишь в том, что вы родились через два года после окончания войны.

— Совершенно верно, — поддакивает Адриан.

— И воспоминания эти принадлежат герою вашего второго романа.

— И это верно, — не спорит Адриан. — Я просто проверял вас.

— Раз я выдержала испытание, может, мы перестанем играть в игры и вернемся к интервью?

— А может, мы сначала перекусим?

— Перекусим? — переспрашивает Фанни без тени энтузиазма.

— Да. Элли оставила нам в холодильнике холодное мясо и салат. Можно еще открыть банку

супа.

— Я обычно в это время не ем, но, если вы проголодались, посижу с вами, поклюю что-нибудь, и мы продолжим.

— Не едите ленч? Но Сэма особенно возмутило, что вы стерли его в порошок, после того как откушали изысканную пошированную семгу, Которую он специально для вас приготовил.

— Он и съел её почти всю сам, — язвит Фанни. — И выпил почти все вино. Но будьте добры, раз вы хотите есть — приступайте.

— Да нет, это неважно. Правду сказать, я и сам нередко пропускаю ленч. Сижу на диете. С тех пор как я бросил писать романы, я стал больше заботиться о своем здоровье.

— Любопытно. А почему, как вы сами думаете?

— Наверное, пока я гонялся за литературным бессмертием, меня мало заботила моя смертная плоть, — рассуждает Адриан. — Когда я был романистом, я целыми днями не выпускал изо рта трубку, ел на завтрак жареное, выпивал за обедом чуть не бутылку вина и практически не вспоминал о физических упражнениях. Теперь я проверяю каждую этикетку: ищу, нет ли там знака генномодифицированных продуктов, ограничиваю себя в употреблении соли и сахара,

отмеряю в граммах спиртное и бегаю трусцой каждый день. Единственная моя слабость — сауна.

— По-моему, трудновато числить сауну среди слабостей, — не может удержаться Фанни.

— Но какое чувство потом — как на седьмом небе, вы не находите?

— В тот единственный раз, когда я там побывала, это была гадость.

— А где это было?

— В гостиничном водном комплексе.

— Наверное, вы парились в купальном костюме.

— Само собой.

— Но в сауне нужно сидеть без всего, — со страстью произносит он. — Чтобы ничего не сжимало тело, не мешало потоотделению. Иначе это профанация.

— Выбора не было, — объясняет она. — Это была сауна для мужчин и женщин, и выходила она прямо в бассейн.

— Знаю-знаю, — поддакивает Адриан, кивая. — Держу пари, она была битком набита людьми, которые вылезали из бассейна, плюхались прямо на лежанки, а вокруг стояло разящее хлоркой облако пара…

Фанни не отрицает, что все именно так и было.

— У англичан нет ни малейшего понятия о том, как пользоваться сауной. Хоть плачь, — сокрушается Адриан.

— И как же это нужно делать? — любопытствует Фанни. Отвечая, Адриан подается всем телом вперед и говорит с жаром истинного адепта:

— Начать нужно с теплого душа. Насухо вытереться. Затем подержать стопы и лодыжки в горячей ножной ванночке — чтобы улучшить кровообращение, затем войти в сауну, забраться на полку — чем выше, тем будет горячее, побыть там минут десять-пятнадцать, пока пот не начнет стекать струйками. Затем нужно долго стоять под холодным душем или нырнуть в ледяное озеро, если оно рядом, пройтись слегка по воздуху, закутаться в махровый халат и полежать в теплом месте. — Он говорит со вздохом: — Нет ничего лучше.

Фанни явно заинтригована.

— И где вы все это проделываете?

— На заднем дворике.

— Вы хотите сказать, что у вас тут есть собственная сауна?

— Ну конечно, — подтверждает он. — Увы, рядом нет озера, но я сделал пристройку с душевой

кабинкой и поставил ванну — для холодного погружения. Хотите взглянуть?

Он делает приглашающий жест в сторону заднего двора.

— Может быть, позже, — уклончиво говорит Фанни.

Адриан смотрит на нее и по его глазам видно, что у него родилась идея.

— Впрочем… вы можете попробовать сами. Раз уж я не могу угостить вас ленчем, я могу вместо этого угостить вас сауной.

Тут уж Фанни смотрит на него во все глаза.

— Простите?

— Вы сами можете узнать, что такое настоящая сауна.

— Ну нет, спасибо.

— Почему же?

— Я обычно не интервьюирую людей нагишом.

— Но кто же разговаривает в сауне! — восклицает Адриан. — Вы общаетесь с горячим воздухом. Разговаривать следует потом.

Фанни замолкает и смотрит на него так, словно пытается угадать, что он задумал.

— Чего вы боитесь? — спрашивает Адриан. — Вряд ли я рискнул бы появиться на страницах

"Сентинел ревью" в качестве сексуального маньяка, верно?

— Вы же знаете, что я могу сделать из подобного предложения? — осведомляется она.

— Еще бы не знать, — кивает он: — "Адриан Ладлоу пригласил меня в собственную сауну таким тоном, каким обычно предлагают гостю рюмку вина. И предупредил, что купальный костюм мне не потребуется. Я вежливо отклонила его предложение и покинула его дом".

— У меня нет ни малейшего намерения покидать ваш дом, — заявляет Фанни. — Я не закончила интервью. У меня еще куча вопросов.

— Забудьте о них, — советует Адриан.

— В каком смысле?

— Выбросьте из головы. Начнем сначала. После сауны. Но это будет не интервью. Не заранее заготовленные вопросы и отрепетированные ответы. А общение без притворства, без всяких игр. Просто разговор, который идет своим чередом. Что вы на это скажете?

Фанни пристально смотрит на Адриана. Он спокойно выдерживает ее взгляд.

Затем встает со словами:

— Я принесу вам купальный халат и полотенце и покажу, где переодеться.

— С чего вы взяли, что я согласна?

— А разве нет?

Фанни медленно поднимается.

— Я завернусь в полотенце, — предупреждает она.

— Как вам удобно.

Фанни задумчиво берет в руки магнитофон, выключает и возвращает на кофейный столик.

Адриан распахивает дверь на кухню.

— Это сюда, — говорит он.

Фанни явно приняла решение. Выпрямившись, она направляется к двери и, не глядя, проходит мимо Адриана. Он идет следом и прикрывает дверь.

3

Через сорок минут Фанни уже снова в общей комнате коттеджа: босоногая, с мокрыми волосами, она полулежит в шезлонге, закрыв глаза и запахнувшись в белый махровый халат. Слышно, как наверху гудит самолет. Из кухонной двери появляется Адриан в резиновых шлепанцах, таком же белом махровом халате, как у нее, и с подносом в руках, на котором стоит пакет апельсинового сока и два стакана. Опустив поднос на стол, он смотрит на Фанни.

— Как вы себя чувствуете?

— Божественно, — отвечает Фанни, открыв глаза. — Вы обратили меня в свою веру.

— Прекрасно.

Адриан наливает два стакана сока.

— Вы были правы, — признается Фанни. — Нагишом *куда приятнее*.

Адриан самодовольно улыбается.

— Вам нужно сейчас попить, чтобы восполнить потерянную влагу, — говорит он и протягивает ей полный стакан.

— Спасибо, — говорит она и садится, при-

готовившись пить. — А вас как приобщили к таинству?

— Это было много лет назад на писательской конференции в Финляндии. Нам предложили на выбор экскурсию по городу, который выглядел не привлекательнее, чем, скажем, Милтон-Кейнс{14}, или традиционную сауну по-черному возле ближайшего озера. Я выбрал сауну по-черному.

— А что это такое? — спрашивает Фанни, тянется к своему магнитофончику и включает его.

Адриан наклоняется к кофейному столику и произносит нарочито-дикторским голосом:

— Сауна по-черному. — После чего продолжает уже нормальным тоном: — Парную натапливают дровами, пока она не наполнится дымом. Затем открывают вентиляционное оконце. Ненадолго — чтобы выгнать дым, но не жар. Вы входите и первым делом вдыхаете изумительный запах горелого дерева. Стена и лавки покрыты копотью, которой вы тоже сразу покрываетесь. Жар невероятный. Пот ручьями стекает по телу.

— Оставляя на нем потеки.

— Именно так. И все знаменитости набились в парную, утрамбовались ляжка к ляжке, напо-

---

{14} notes: 14
Милтон-Кейнс — городок на севере Юго-Восточной Англии.

миная дикарей в боевой раскраске и благоухая, как говяжьи ребрышки после позавчерашнего барбекю.

— Мужчины и женщины вместе?

— Нет, финны по этой части большие пуритане. Вопреки известной репутации. Женщины парились раньше, мы присоединились к ним, когда они уже угощались пивом и сосисками.

— Звучит заманчиво.

— Да, было хорошо. А назавтра, белой ночью, мы разыграли матч между финскими писателями и всем остальным литературным миром.

— И кто выиграл?

— Мы, со счетом 3:2. Грэм Свифт оказался вполне приличным "чистильщиком".

— Вы и сейчас совершаете подобные вылазки?

— Нет, меня больше не зовут.

— Но сидеть в четырех стенах в зоне программных полетов Гэтуика, должно быть, скучновато после таких радостей жизни.

— Ничуть, — возражает Адриан. — Сознание, что я больше никогда не буду метаться по аэропорту вместе с возбужденной толпой, — источник величайшего удовлетворения.

— Да, мне тоже там страшно. Но иначе в отпуск не поехать.

— А что такое для вас отпуск?

— Нечто вполне банальное. Лежать на солнышке у бассейна с грудой книжек в мягкой обложке под рукой, то и дело потягивая прохладительные напитки. А для вас что это такое?

— Мы не отдыхаем в общепринятом смысле слова.

— Вообще?!

— Удивительно, сколько всего можно сделать вместо этого, надо только решиться. Отдых за границей. Новая машина. Новая одежда. Второсортные гостиничные номера. Необходимость зарабатывать и тратить. Ей-богу, это не жизнь.

— Вы от всего этого отказались, когда перестали писать романы?

— Именно так. Это называется дауншифтинг{15}. Я читал такую статью.

— Но дауншифтинг только что придумали.

— Мы были пионерами.

— И возник он в Америке.

— Нет, здесь, — твердо возражает Адриан. — Вы где живете?

— В Клеркенвиле, в перестроенной мансарде.

{15} notes: 15

Downshifting — букв.: включение понижающей передачи, *переносн.*: жизненная философия отказа от напряженной жизни и выгодной карьеры ради более спокойного и скромного существования (*англ.*).

— Вместе с Крайтоном?

— Да.

— А чем он занимается?

— Он юрисконсульт.

— О, вот как. Значит, Крайтон может пригодиться, если какая-нибудь из жертв решит привлечь вас к судебной ответственности.

— Он специалист по коммерции. Хотелось бы, чтобы вы перестали употреблять это слово, — не выдерживает Фанни.

— Какое? Крайтон?

— Нет, жертва. Публичные лица должны быть готовы к тому, что могут порой схлопотать оплеуху-другую. А остальным приятно, когда важным персонам дают по носу.

— Ага! Значит, вы это признаете.

— Конечно. Это в природе человека. Когда вы читали мою статью о Сэме Шарпе, разве, кроме сочувствия, возмущения и всего прочего, что положено испытывать другу… разве, кроме всего этого, вы не ощутили радостный холодок злорадства? Только правду — "…без притворства, всяких игр".

Она наклоняется вперед и, не давая ему отвести взгляд, смотрит ему в глаза.

— Хорошо! Хорошо! Признаюсь.

Фанни откидывается назад со вздохом удовлетворения.

— Благодарю вас.

— Да, но какое ужасное признание! — восклицает Адриан. — Как я ненавижу вас за то, что вы заставили меня радоваться душевным мукам моего друга.

— "Душевным мукам!" Не слишком ли громко для уязвленного самолюбия Сэма Шарпа?

— Вы на редкость циничны для своего возраста, — замечает Адриан. — Неужели вы никогда не испытывали хотя бы слабых угрызений совести из-за статьи, которую напечатали?

— Ни единого раза.

— Только честно. — Он подражает ее прокурорской манере.

— С какой стати? — возмущается она. — Я выполняю важную культурно-социальную миссию.

— Ага. Какую именно?

— В наше время столько рекламной шумихи, что люди путают успех с подлинными достижениями. А я им напоминаю, что это не одно и то же.

— Для чего и глумитесь над их паричками и ковбойскими сапогами?

— Иногда нет другого способа пробить их эго-

изм. У вашего дружка Сэма Шарпа есть кое-какой талантик, но он почти не работает над собой. Пишет слишком много, слишком быстро. Зачем?

— У него разведенная жена — ее нужно содержать. Вернее, две жены, которых надо содержать.

— Но чем больше он зарабатывает, тем больше алиментов платит. Нет, он пишет слишком много не из-за нехватки денег, а от лени.

— Сэм — от *лени*?

— Ну да. Чем больше сценариев — словно сошедших с конвейера автомобилей — выдает его принтер, тем меньше он дает себе труд задуматься над тем, что он, собственно, произвел. Если на его вещь появляется плохая рецензия, он только отмахивается — ведь он уже с головой в другой работе. Тем, на кого он пашет, плевать, чего на самом деле стоят его сценарии. Их интересуют только расходы, срок сдачи и наполнение кинозалов. Вот тут-то и появляюсь я — чтобы подвергнуть сомнению природу этого самого "успеха". И следующий сценарий Шарпа будет чуточку лучше, чем был бы без тех булавочных уколов, которые однажды испытало его эго.

— Гм-м, — произносит Адриан.

— Кажется, я вас не убедила, — констатирует

Фанни.

— Ну, мы с Сэмом не один пуд соли съели. Одними булавочными уколами его не проймешь.

— Вы вместе учились в университете? — спрашивает Фанни.

— Да. Нас с первого дня зачислили в одну семинарскую группу, и мы стали неразлучны. Вместе снимали квартиру, вместе выпускали журнал, вместе сочиняли капустники, вместе напивались…

— В конце одного из ваших романов два студента надираются после выпускных экзаменов.

— В "Молодо-зелено", — Адриан смеется, вспоминая этот эпизод. — Да, это мы. Я как раз вышел из дверей студенческого союза и посреди кампуса увидел выписывающего кренделя Сэма с бутылкой в руках — это он искал меня. Мы пили с полудня, но потом почему-то расстались, а тут он заметил меня, засиял от радости, стал махать рукой и побежал навстречу. Но его так развезло, что мозг его решительно отказывался передать нужную команду ногам. Вместо того чтобы нести его ко мне, они понесли его в обратную сторону, и он стал бежать пятясь. Мне видно было его лицо, на котором появилось выражение удивления и тревоги, словно его влекла какая-то невидимая

сила, но чем пуще он старался бежать ко мне, тем сильнее его влекло назад, пока наконец он не потерял равновесие и не повалился спиной на цветочную клумбу. Ничего смешнее я в жизни не видел. — Адриан снова расхохотался. — По крайней мере так мне тогда казалось, — прибавил он, заметив, что Фанни не слишком веселится.

— Да, в книге это смешно, — соглашается она, — но и грустно тоже. Герой догадывается, что это… вроде…

— Дурного предвестия.

— Да. Образ будущего отдаления друг от друга.

— Преимущество ретроспективы, — соглашается Адриан. — Тогда я этого не ощущал.

— Но ведь так и получилось? У вас с Сэмом Шарпом?

— Это неизбежно. Столь беззаветно дружат только в юности. Взрослые так дружить не могут. Жизнь разводит людей: у каждого своя карьера, потом — жена, дети…

— Вы хотите сказать, что в колледже в ваших отношениях был некий гомосексуальный привкус?

— Ни боже мой! — в сердцах бросает Адриан.

— Я не имею в виду реальный физический контакт, — поясняет Фанни, — а некое бессозна-

тельное гомоэротическое влечение?

— Ничего похожего.

— Почему само это предположение так вас возмущает?

— Чую фрейдистский капкан: "да" — это "да", а "нет" — запирательство с моей стороны, — поясняет Адриан. — Вы попали пальцем в небо. Мы оба почти все время были влюблены в Элли.

— Элли?

— Мою жену, — коротко бросает Адриан. И явно тотчас жалеет о том, что произнес ее имя.

— А, понятно, — оживляется Фанни. — *Понятно*! Значит, ваша жена — это героиня "Молодо-зелено", как ее зовут в романе — Феона?

— Нет, нет, Элинор — человек совсем иного склада, — говорит Адриан.

— Но ее отношения с вами и Сэмом были те же, что и у Феоны с двумя молодыми людьми в романе?

— До известной степени, — признает Адриан.

— В книге они некоторое время делят Феону в прямом смысле слова — она спит с обоими.

— Послушайте, я предпочел бы оставить эту тему, с вашего разрешения, — отрезает Адриан.

— А я было поняла, что беседа должна идти как идет, своим ходом, — напоминает Фанни.

— Да, когда дело касается меня. Но не Элли.

— Так что, спала она с вами обоими?

— Я ничего такого не говорил.

— Вы бы так не всполошились, если бы этого не было.

Адриан молчит некоторое время, словно думает, говорить ли что-либо еще или не стоит.

— Нет, извините, — бросает он наконец и качает головой.

— Не для записи, — просит Фанни. Она протягивает руку и выключает магнитофон.

— Зачем это вам, если не для записи?

— Я вам сказала — у меня не только профессиональный интерес.

— Откуда я знаю, можно ли вам доверять?

— Но я же доверилась вам, когда пошла в сауну, — напоминает Фанни. — А *мне* откуда было знать?

Адриан колеблется несколько мгновений. Потом говорит:

— Ладно, я вам расскажу. Но уж это никак не для записи.

— Не для записи, — подтверждает она и, согнув под халатом ноги в коленях, устраивается, как ребенок, который приготовился слушать сказку.

— На втором курсе мы с Сэмом написали пьес-

ку для театрального кружка, и Элли пришла на прослушивание. Мы сразу влюбились по уши, и она тоже к нам прониклась. К обоим. Нам с Сэмом не хотелось разбегаться из-за нее, и мы приспособились ходить повсюду втроем. Ребята из нашей компании никак не могли взять в толк, что там у нас происходит. А нам доставляло удовольствие водить их за нос.

— А что было *на самом деле*?

— В сексуальном смысле — ничего. Мы часто сидели втроем, покуривали план, иногда дело доходило до объятий a trois, и не более того. Потом однажды Сэма вызвали домой — отец серьезно заболел. Мы с Элли впервые остались вдвоем. Как-то вечером нас здорово расслабило после какой-то очень хорошей травки, и мы в конце концов оказались в моей постели. Когда Сэм вернулся — его отец поправился, — мы чувствовали, что должны признаться. Он дико разозлился. Обвинял нас в предательстве, в том, что мы порушили чудесные, редкостные отношения, которые связывали нас троих. Мы с Элли пытались сказать, что ничего не планировали и все получилось само собой. Но он не желал ничего слушать. Пока…

— Пока Элли не предложила переспать с ним

тоже, — догадывается Фанни.

— Да. Она сказала, что тогда все снова будет по-честному. Никогда не забуду выражения лица Сэма, когда она это сказала… Мы оба просто онемели от изумления, честно говоря. Это показалось нам чем-то невероятно великодушным. Показалось, что одним ударом мы покончим с ревностью, собственничеством. То были 60-е, мы, знаете ли, воображали, что перекраиваем сексуальные отношения человечества. Поэтому на следующий вечер я испарился, а Элли отправилась в постель с Сэмом. Я с ним потом никогда об этом не говорил. А мы снова стали добродетельной платонической троицей. Но, конечно, по-старому уже не получалось. Мы съели запретный плод или по крайней мере отъели от него изрядный кус. В конце концов Элли пришлось выбирать между нами.

— В книге девушка спит с обоими довольно долго, — замечает Фанни.

— Это все выдумки, — объясняет Адриан. — В литературе всегда больше секса, чем в жизни, вы никогда не обращали внимания? Как бы то ни было, после всяческих разочарований, неудачных экспериментов с другими молодыми людьми и тому подобного, Элли предпочла меня. В романе

она, разумеется, не выходит замуж ни за того, ни за другого, и каждый идет своей дорогой.

Фанни молчит — а вдруг Адриан скажет что-нибудь еще? Но он ничего больше не говорит.

— Это было потрясающе. Спасибо.

— Теперь я думаю, вы тоже должны рассказать о себе что-нибудь очень… личное, — просит он.

— Почему?

— Справедливости ради.

— Ладно, — соглашается она. — Что бы вы хотели услышать?

— Ну… о вашей татуировке.

Фанни вроде бы смущается.

— О моей бабочке?

— Я не мог не заметить ее, когда… — Он машет в сторону сауны. — Вы сделали ее ради девушки из пригорода, которая все еще живет у вас в душе и порой рвется наружу?

— Нет, я сделала ее, чтобы угодить моему бойфренду.

— Крайтону?

— Нет, что вы! Это же было сто лет назад! Сразу после школы, перед университетом. В тот год я немного тронулась мозгами из-за одного парня. Рок-музыканта. С головы до пят в татуировках. Он все время наезжал на меня — хотел, чтобы я

тоже сделала татуировку, и я так помешалась на нем, что согласилась. Надоела она мне до чертиков! В том смысле, что летом из-за нее платье без рукавов не наденешь.

— А, по-моему, очаровательно. Словно бабочка только что порхнула к вам на плечо.

— К сожалению, у нее в узоре крыльев — инициалы Брюса.

— Я не разглядел.

— Стоит кому-нибудь на вечеринке их заметить, и от этой темы уже не отвертеться.

— Да, понимаю, это, наверное, надоедает. А ее нельзя вывести?

— Только путем пересадки кожи. — Она стягивает халат с плеча и косится на татуировку. — Ничуть не побледнела. На всю жизнь заклеймил меня, дурень чертов.

Адриан подходит к Фанни, чтобы рассмотреть татуировку.

— Б. Б., — читает он.

— Брюс Бакстер.

— Больно было?

— Ужас!

— А сейчас?

— Совсем ничего не чувствую.

— А знаете, прелестный узор, — Адриан ведет

пальцем по контуру татуировки.

Он касается Фанни впервые, если не считать официального рукопожатия при знакомстве, и в этом прикосновении есть что-то интимное, почти эротическое. Оба явно ощущают, что подошли к опасной черте: они застывают на месте, уподобившись фигурам на античном фризе. Палец все еще лежит на плече Фанни, словно Адриан, как лепидоптеролог, с увлечением изучает интересный образец. Взгляд Фанни прикован к пальцу Адриана. Ни он, ни она не прерывают молчания. Его прерывает Элинор.

— Я вам помешала? — бросает она с порога кухни.

Адриан круто поворачивается и отскакивает от шезлонга. Фанни натягивает на плечо халат и встает.

— Элли! — восклицает Адриан. — Ты так рано. Я не слышал, как подъехала машина.

— Она заглохла у деревни. Я пошла пешком через поле.

— Это Фанни Таррант.

— Я догадалась, — говорит Элинор.

— Привет, — произносит Фанни, но Элинор даже не смотрит на нее.

— А мы как раз из сауны, — лепечет Адриан.

— Как мило, — сухо замечает Элинор.

— А что с машиной?

— Не знаю. Наверное, бензин кончился.

Фанни едва сдерживает смех. Адриан ловит ее взгляд и тоже улыбается.

— Я что, сказала что-то смешное?

— Нет, просто… неважно.

— Я лучше пойду оденусь, — говорит Фанни, — извините. — И выходит в кухонную дверь.

— Я не ждал тебя так рано, — обращается Адриан к Элинор.

— Это заметно, — отрезает Элинор.

— Элли! Не говори глупости.

— У Розмари очередная мигрень, поэтому я уехала домой рано, — объясняет Элинор. — Ну, и какова она в обнаженном виде?

— Понятия не имею. Ты же знаешь, в сауне совсем темно.

— Ну а в душевой?

— Мы не принимали душ вместе. Я остался в сауне после того, как она… — Адриан делает нетерпеливый жест. — Не понимаю, почему я должен играть в эту дурацкую игру. Пойду переоденусь.

Сделав несколько шагов в сторону кухни, он передумывает, поворачивает назад и через холл

идет к лестнице.

Погруженная в свои мысли Элинор стоит некоторое время, ухватившись за край обеденного стола. Затем медленно обходит глазами комнату, как человек, который ищет вещественные доказательства. Ее взгляд падает на кофейный столик с магнитофоном Фанни, она берет его, вертит в руках, словно пытается дознаться, что там внутри. У миниатюрного устройства нет микрофона. Она переводит взгляд на приютившийся среди полок музыкальный центр. Зеленый глазок горит — система включена. Элинор подходит и нажимает кнопку "пуск". Раздается шипение вертящейся пустой ленты. Тогда Элинор на несколько секунд включает перемотку, потом "остановку" и снова "пуск". Из микрофона по очереди доносятся голоса Адриана, Фанни и ее собственный голос:

— Не знаю. Наверное, бензин кончился… Я что, сказала что-то смешное?

— Нет, просто… неважно.

— Я лучше пойду оденусь, извините.

Элинор включает перемотку еще на несколько секунд. Потом снова "остановку" и "пуск":

— …Рок-музыканта. С головы до пят в татуировках. Он все время наезжал на меня — хотел,

чтобы я тоже сделала татуировку, и я так помешалась на нем, что согласилась. Надоела она мне до чертиков! В том смысле, что летом из-за нее платье без рукавов не наденешь.

— А, по-моему, очаровательно. Словно бабочка только что порхнула к вам на плечо.

Элинор кривится и выключает запись. Она отходит на несколько шагов от музыкального центра, но тут же возвращается — за следующей порцией. На этот раз, прежде чем нажать "пуск", она отматывает назад побольше. Из микрофона доносятся слова Адриана:

Показалось, что одним ударом мы покончим с ревностью, собственничеством. Это были 60-е, мы, знаете ли, воображали, что перекраиваем сексуальные отношения человечества. Поэтому на следующий вечер я испарился, а Элли отправилась в постель с Сэмом. Я с ним потом никогда об этом не говорил. А мы…

Элинор резким движением выключает магнитофон, оборвав запись на полуслове. Она быстро дышит. Она ошарашена. Потрясение тут же уступает место гневу. Примерно через минуту в дверях появляется переодетый Адриан. Брюки он заправил в носки.

— Отвезу на велосипеде канистру бензина, посмотрю, заведется ли машина, — говорит он. — Элинор стоит к нему спиной не отвечая. — Где ты ее оставила? С нашего конца деревни? — Элинор все так же молчит. Тогда он входит в комнату. — Элли? — нетерпеливо бросает он.

— Как ты мог! — восклицает она.

— Что именно?

Элинор круто поворачивается к нему.

— Так предать меня.

— Бога ради, Элли, это была лишь сауна, — протестует он. — Ничего больше.

— Я не об этой дерьмовой сауне. Я о другом. Как ты мог обсуждать *меня, мою* личную жизнь.

— Что ты имеешь в виду? — недоумевает он, но на лице его ясно читается: *Откуда ты знаешь?*

Элинор нажимает кнопку "пуск":

А мы снова стали добродетельной платонической троицей. Но конечно по-старому уже не получалось. Мы съели запретный плод или по крайней мере отъели от него изрядный кус. В конце концов Элли пришлось выбирать между нами.

— Дьявольщина! — вырывается у Адриана.

…В романе…

Адриан выключает музыкальный центр.

— Это было не для записи, — оправдывается он.

Элинор указывает на музыкальный центр.

— Но *осталось* на магнитофоне!

— Я хочу сказать, что она выключила магнитофон на это время. А про свой я забыл.

— Мне плевать, что было включено, а что выключено. Ты рассказал совершенно чужому человеку очень личные вещи обо мне. *Обо мне* — без моего разрешения.

— Ну прости, Элли. Но…

— Черт знает что! Поверить не могу.

— Послушай, Элли. Я объясню, как это получилось. У меня нечаянно сорвалось с языка что-то о наших студенческих днях, о том, как Сэм и я познакомились с тобой, и она набросилась на это с быстротой…

— Бедненький! Взяли на испуг!

— Я решил, что лучше рассказать, как было на самом деле, но не для записи. Тогда она не сможет это использовать.

— А зачем ей нужно то, что нельзя использовать?

— Я спросил то же самое, — подхватывает Адриан, к которому понемногу возвращается

самообладание. — Оказалось, что она вроде как моя поклонница, и даже…

— Какая прелесть! Книжку для автографа привезла?

— Вообще-то, привезла, — признается Адриан.

— Бога ради! Да ты не лучше Сэма! — вскипает Элинор. — Что он, что ты! Лесть для вас — словно грудь для младенца! Сосок в рот, и он туг же заводит глазки и сосет, сосет. — Адриан молча выслушивает обличение. — Что еще ты наговорил ей не для записи? — не отступает Элинор. — Сообщил, что я сделала аборт?

Адриан шокирован и встревожен. Он поглядывает на кухонную дверь и отвечает шепотом:

— Конечно, нет, ты что с ума сошла?

— Я — нет, а ты, похоже, — сошел, — отбривает Элинор. — А может, она сама пронюхала?

— Нет. Да и как она могла, — бормочет Адриан. — В любом случае, вся эта история обо мне, тебе и Сэме находится под грифом секретности. Она мне слово дала.

— И ты ей веришь?

— Да. Верю.

В кухонных дверях возникает Фанни, одетая и причесанная, как при своем первом появлении.

— А вот и вы! — говорит Адриан.

Элинор поворачивается к ней спиной: хочет взять себя в руки.

Адриан направляется к передней.

— Я отлучусь ненадолго, пойду заправить машину. Это у нашего конца деревни, Элли, верно?

— Да, — выдавливает из себя та не оборачиваясь.

— Если заведется, подброшу вас до станции, — обещает Адриан Фанни.

— Спасибо. Не беспокойтесь.

— Какое тут беспокойство! Сейчас буду назад, — говорит Адриан и. прежде чем Фанни успевает остановить его, исчезает.

— Не нужно, прошу вас, — бросает Фанни ему вслед, но он либо не слышит, либо делает вид, что не слышит. За ним захлопывается дверь.

Фанни со вздохом говорит Элинор:

— Дело в том, что я без разрешения воспользовалась вашим кухонным телефоном и заказала такси.

Элинор поворачивается к ней лицом:

— На какой поезд вам надо успеть?

— На ближайший.

Элинор смотрит на ручные часы.

— Вы только что пропустили один. Следующего ждать около часа. Разве что вы поедете на такси

до самого Гэтуика.

— Так я и сделаю.

Повисает молчание.

— Неловко получилось, — говорит Фанни.

— Да.

— Надеюсь, вы не стали делать поспешных выводов…

— Какого рода?

— Это была сауна, и ничего больше. В этом не было ничего… сексуального.

— Для вас нет ничего сексуального в том, чтобы сидеть голышом в крохотной деревянной кабинке вместе с малознакомым мужчиной? — иронизирует Элинор.

— Я чувствовала себя совершенно спокойно. Никаких прикосновений или чего-либо подобного.

— По-моему, он касался вас в минуту моего появления.

— Я показывала ему татуировку, которая вытравлена у меня на плече.

— Понятно. Но татуировка — это вроде бы не то же самое, что офорт или гравюра?

— Послушайте, я приношу свои извинения. Сейчас я понимаю, что идти в сауну — это было не слишком разумно, но он, можно сказать, бросил

мне вызов, а я не могу спасовать перед вызовом. — С этими словами Фанни подходит к кофейному столику и берет свой магнитофончик.

— Зачем вы приехали сюда?

— Взять интервью у вашего мужа.

— Да, но почему у него? Он больше не пользуется известностью.

— Вот именно. Я хотела узнать, почему он бросил писать.

— И что, узнали?

— Думаю, да. Он сказал, что у него за душой не осталось ничего такого, ради чего стоило бы напрягаться и придумывать истории.

— Вот оно что! Ну-ну!

— Мало кому из писателей хватает на это смирения.

Элинор издает что-то вроде хмыканья, смысл которого не оставляет сомнений. Фанни бросает на Элинор острый взгляд — в глазах ее вспыхивает любопытство.

— Вы так не думаете?

— Для этого я провела слишком много дней и ночей, пытаясь возродить его поникшую веру в себя.

Незаметно для Элинор Фанни включает свой магнитофончик, по-прежнему сжимая его в руке.

— Ну, — подхватывает она, стараясь удержать нить разговора, — Вирджиния Вулф говорит где-то, что самое ужасное в жизни писателей — это зависимость от похвал.

— И самое ужасное в жизни писательских жен, — выпаливает Элинор. — Если вы не выражаете восторга по поводу их нового творения, они куксятся, а если выражаете — считают, что вы преувеличиваете.

— Чего на самом деле не бывает, — говорит Фанни с улыбкой. — Другое дело — критики.

— У Адриана были потрясающие отзывы на первую книгу. Ничего хуже этого не могло с ним случиться.

— В каком смысле?

— Он все время ждал повторения — еще одного такого же каскада восторженных похвал. Конечно, ничего подобного больше не было. В дни выхода книги из печати атмосфера в доме становилась невыносимой. С раннего утра он в пижаме и халате усаживался на лестнице и ждал, когда в ящик бросят утреннюю газету. Едва я успевала открыть глаза, как он посылал меня в киоск за всеми остальными газетами.

— А почему не ходил сам?

— Потому что ему нравилось делать вид, что

его не интересуют рецензии — это якобы *меня* они интересуют. Какое-то время я и в самом деле их читала и в самых общих чертах сообщала ему, какие они: скажем "Обзервер" — на четыре с плюсом, "Телеграф" — на пять с минусом и так далее. О тройках и двойках я вообще не упоминала. Но все было бесполезно — стоило мне отлучиться из дому, и он тут же выискивал все в картотеке, я сразу видела по кислой мине, с которой он слоняется по дому, что он прочел отрицательную рецензию.

— Наверное, с ним было трудно в ту пору.

— *Трудно*! Это было выше человеческих сил! Немудрено, что мальчики удрали из дому, едва повзрослели… Между пыткой сочинительства и агонией выхода книги из печати выдавалось месяца три, когда он был практически нормален. Затем весь цикл повторялся снова.

— А почему ничего не получилось с романом "Из глубины"?

— Издатели были очень довольны, но какой-то болван вбил Адриану в голову, что ему дадут Букеровскую премию и какую-то еще. Ну, а когда книга вышла, сложилась обычная, пестрая картина: и хорошие рецензии, и не очень, а несколько и вовсе гнусных, написанных претендующими

на остроумие молодыми самоучками, которые не упускают случая привлечь к себе внимание за чужой счет, — книгу не включили даже в шорт-лист Букера. У Адриана началась страшная депрессия, я изо всех сил пыталась скрыть это от его издателя, литагента, друзей и всего остального мира. Я просто не могла это больше терпеть.

— Пригрозили, что бросите его?

— Дошло и до этого. Но он и сам решил, что больше так не может. Сказал, что завязывает с беллетристикой. Мы продали лондонский дом, переехали сюда и зажили другой жизнью… В общем… решение было найдено, только вряд ли героическое.

— Не скрою, я разочарована… — признается Фанни.

— Почему?

— Ну, когда-то он был для меня чем-то вроде *героя*.

Элинор смущенно глядит на Фанни. В это время раздается звонок в дверь.

— Наверное, мой таксист.

Фанни выключает магнитофончик, и Элинор с тревогой замечает это.

— Вы не записывали меня, надеюсь?

— Записывала, — подтверждает Фанни, откры-

вая свой дипломат.

— Я не давала на это разрешения.

— Какая разница?

— Вы не имели права.

— А вы не предупредили, что говорите не для записи.

— Да, но… — бормочет Элинор.

— Но что? Зачем вы выложили мне все это?

— Я была расстроена.

— Вы вызверились на мужа и сдали его мне.

Фанни прячет магнитофончик и защелкивает дипломат.

— Отдайте мне запись. Или сотрите мой кусок.

Фанни мотает головой.

— Извините, нет.

Снова звонит звонок.

— Мне пора, — говорит Фанни и направляется к прихожей.

Элинор делает движение, словно хочет задержать ее. Фанни останавливается и ждет, сжимая дипломат под мышкой. Элинор обращается к ней:

— Послушайте, наверное, я хотела, чтобы вы знали правду, но не хотела, чтобы вы ее печатали.

— Не хотела, чтобы я ее печатала? — насмеш-

ливо повторяет Фанни.

— Ну, пожалуйста.

— Вам известно, чем я зарабатываю на жизнь?

Женщины мгновение смотрят друг другу в глаза. Затем Элинор отчеканивает:

— Известно. Вы губите человеческие жизни. Бесстыдно льстите человеку, проникаете к нему в дом, завлекаете его и, усыпив бдительность, толкаете на неосторожные признания, потом глумитесь над его доверием, растаптываете самоуважение и лишаете душевного спокойствия. Вот чем вы зарабатываете на жизнь.

Снова звонят.

— До свиданья, — говорит Фанни и уходит.

Элинор слышит, как за Фанни закрывается дверь. Она садится за обеденный стол и смотрит прямо перед собой — в пустоту, а может статься, в будущее. Злость ее испарилась. По лицу видно, что она испытывает лишь сожаление и угрызения совести.

4

Полмесяца спустя Элинор сидит ранним утром на том же месте и почти в той же позе; на этот раз перед ней стоит кружка с остатками холодного чая, она еще в утреннем халате, накинутом поверх ночной рубашки. Рассвело, но небо затянуто тучами, и над полями стелется мокрый туман. Из окон коттеджа все выглядит черно-белым. Где-то вдалеке кричит петух. Элинор вся сжимается, заслышав звук приближающейся машины.

Автомобиль медленно вкатывает на дорожку, под шинами тихо похрустывает гравий. Мотор стихает, мягко хлопает дверца. Элинор бросается в холл и открывает задвижку. Распахивает дверь — на пороге стоит Сэм Шарп.

— Господи, ты! Вот уж кого не ждала!

— Ужасно рано, я знаю, но…

— Входи, — командует она; впрочем, звучит это не слишком приветливо.

Она ведет его в общую комнату.

— Я только что из Лос-Анджелеса, прилетел ночным рейсом. — На Сэме мятый льняной костюм с пятном на лацкане от чего-то съедобного,

он небрит. — Я подумал, чем черт не шутит — вдруг повезет, и ты уже встала. И так оно и есть.

— Ты говорил, что уезжаешь на месячишко-другой, — напоминает Элинор.

— Планы изменились. Прежде всего, как ты? — с этими словами он наклоняется, чтобы поцеловать ее в щеку, но она уворачивается и снова садится за стол.

— Я не стану целоваться с тобой, Сэм.

Сэм растерян.

— Хм! — Он проводит тыльной стороной руки по подбородку: — Щетина? Запах изо рта, да?

— Я зла на тебя.

— Почему? Что я сделал?

— Впустил в нашу жизнь эту ядовитую гадину Фанни Таррант.

Сэм явно удивлен.

— Неужели она на самом деле взяла интервью у Адриана?

— Да.

— А почему он ничего мне не сообщил? Он написал свою статейку о ней?

— Нет, насколько мне известно. Зато она свою — написала.

— Покажи.

— Пока не имеется. Поэтому-то я и поднялась

так нечеловечески рано. Жду, когда принесут воскресные газеты.

— С чего ты взяла, что это будет сегодня?

— Вычитала анонс в прошлом воскресном номере: "Фанни Таррант выслеживает Адриана Ладлоу в его укрытии".

— Звучит многообещающе, — радуется Сэм. — Должно быть, получилась славная штука.

— Не получилась.

— Откуда ты знаешь?

— Это долгая история. Попробую рассказать в двух словах. Садись.

— А можно сначала кофе?

— Нет, — отрезает Элинор.

— Так-таки нет?

— Да слушай же, черт тебя подери!

В голове у Сэма слабо брезжит: случилось что-то неладное.

— Хорошо, хорошо, — успокаивает он ее и покорно садится.

— Твой дурацкий план сработал до последней точки. Литагент Адриана... — она замолкает, уставившись на Сэма: — А где твоя накладка? — На черепе у того сияет большая плешь.

— Отправил в мусорное ведро, — признается Сэм застенчиво.

— Почему?

— Достала меня в Калифорнии. Все время слезала в бассейне… Ты не останавливайся, говори, говори.

И Элинор рассказывает, как Адриан не послушал ее и договорился об интервью через своего агента, как она, Элинор, решила уехать на это время из дома.

— Но вернулась я раньше, чем они ожидали, — Элинор замолкает, припоминая ту сцену.

— Только не говори, что застала их в постели!

— Ну, не так банально! Они как раз вышли из сауны.

— Из сауны? Ты хочешь сказать, что они там были нагишом?

— Так я поняла.

— Офигеть! — восклицает Сэм с удивлением, смешанным с завистью.

— Когда я переступила порог, они нежились в купальных халатах, причем ее халат был соблазнительно приспущен с плеча: она демонстрировала ему свою татуировку.

— А что там у нее вытатуировано?

— Какая тебе разница? — возмущается Элинор. — Бабочка.

— Порхает, как бабочка, жалит, как оса.

— Ну нет — как скорпион. Ей бы нужно вытатуировать на заду скорпионий хвост, — язвит Элинор. — Меня не слишком вдохновила эта буколическая сцена, хотя вряд ли имело место что-либо более серьезное…

— Ты чересчур доверчива.

— Ты же знаешь, он помешан на сауне, — рассуждает Элинор. — И всегда старается обратить других в свою веру. Я и впрямь не думаю, что он пытался ее соблазнить.

— Да, но может, пыталась *она*.

— Я об этом тоже подумала. Пока они одевались, я обнаружила, что Адриан записывал интервью на магнитофон. — И Элинор пересказывает Сэму, что именно Адриан поведал Фанни.

Сэм вскакивает.

— Дьявольщина! Он что, сбрендил?

— Он объяснил мне, что это было не для записи.

— Хм, не для записи! — повторяет Сэм, которого немного отпустило. — Но ты-то ей не веришь?

— Сама не знаю. Для меня не это главное: он *вообще* не имел права говорить с ней обо мне, тем более — о столь интимном.

— Конечно нет, но…

— Годами я натыкалась на подробности своей

личной жизни в его романах. Ощущение, надо сказать, не из приятных, это… все равно, что увидеть в витрине секонд-хенда свои старые платья — вещи, которые, как я считала, давным-давно попали на помойку. Но тогда я по крайней мере могла сказать себе, что, кроме меня, никто этого не заметит, потому что он все переиначил и перемешал. Но *это* — дело другое…

— Я понимаю, почему ты сходишь с ума, Элли, — поддерживает ее Сэм. — Имеешь полное право. Но, ей-богу, это еще не повод, чтобы так переживать из-за сегодняшней газеты.

— Ты просто не знаешь, что́ там написано.

— Да если она и выложила ту старую историю, всем это по барабану. Ну, спала ты с двумя дружками, сначала с одним, потом с другим, тридцать лет назад. И что из того? Кого это колышет? Там же ничего нет о…? — тревожится Сэм.

— Нет, — говорит она.

— Слава тебе, Господи, хоть за это. — Ну, так и нечего волноваться.

— Я еще не договорила. Пока она ждала такси и Адриан пошел за нашей машиной…

— А машина куда делась?

— Ну, какая тебе разница, куда делась эта клятая машина?

— Прости, я по привычке, — конфузится Сэм, — я же сценарист.

— У меня на подъезде к деревне бензин кончился, и домой я пошла пешком, через поле. Адриан отправился с канистрой бензина к машине. Доволен?

— Ну да, ты застала их врасплох, в купальных халатах, потому что они не слышали, как подъехала машина. Здорово — классно увязано.

— Сэм, это не твой очередной сценарий, это моя жизнь.

— Моя тоже, судя по вышесказанному. Словом, ты осталась с…

— Ш-ш-ш, — Элинор предостерегающе поднимает руку.

— Что такое?

Элинор спешит к окну.

— Нет, ничего. Мне показалось, что подъехал фургон Барнса.

— А кто такой Барнс?

— Он развозит газеты.

— В общем, ты осталась один на один с Фанни Таррант.

— Да. Я была возмущена, расстроена. А тут она говорит, что, как объяснил ей Адриан, он бросил писать романы, потому что ему больше

нечего поведать человечеству. Она была в таком восторге от себя: ведь она сделала столь важное открытие — и так восхищалась Адрианом, что мне просто стало тошно. И я вывалила ей, как все обстояло *на самом деле*.

— И как же? — заинтересованно спрашивает Сэм.

— Он просто не мог вынести постоянных напоминаний о том, что все, что он ни напишет, не дотягивает до его первой книги.

— Ты имеешь в виду рецензии? Но он всегда говорил, что даже не заглядывает в них.

— Чистая ложь. Я просто покрывала его. Но дело было не только в рецензиях. Любой намек на неодобрение, подлинное или мнимое, повергал его в отчаяние. Когда "Из глубины" не включили в шорт-лист Букера, он, можно сказать, был на грани самоубийства.

— Надо же… И ты все это выложила Фанни Таррант?

— Да.

— Но предупредила, что говоришь не для записи?

— Нет.

Сэм закатывает глаза.

— Только этого не хватало!

— Я разозлилась. Была как в тумане. И не знала, что ее магнитофон работает на запись, пока она его не выключила. Когда вернулся Адриан, уже после ее ухода, я созналась ему в том, что натворила.

— И что он на это?

— Ничего. Ни одного слова.

— О Фанни Таррант?

— Вообще ни о чем. Он рта не открыл с того самого дня, разве что в присутствии посторонних. Тогда он принимается болтать, улыбаться, похохатывать, втягивает меня в разговор, словно ничего не случилось, но как только чужие уходят — будь то соседи, священник, уборщица, — он замолкает, только оставляет мне записочки.

Элинор роется в карманах, достает горсть сложенных, мятых бумажек и высыпает их на стол перед Сэмом. Он берет одну, разворачивает и читает: *Завтра утром между половиной двенадцатого и часом дня мне нужна машина.* Сэм подымает глаза на Элинор.

— Почему ты терпишь это безобразие?

— Наверное, потому, что чувствую себя виноватой. Я выдала его тайну.

— Но ты же нечаянно.

— Нет, не нечаянно, — с грустью признается

Элинор. — Просто я потом пожалела о сказанном. Но было уже поздно.

— Все равно, он сам тебя спровоцировал. Довел тебя до этого… а сейчас он где?

— Наверное, спит еще. Он перебрался в гостевую комнату, ложится на час позже меня и поздно встает, чтобы не завтракать вместе. Мы и в самом деле с тех пор ни разу не садились за стол в одно и то же время.

Сэм задумывается на минуту. Потом говорит:

— Элли, поехали ко мне. Сейчас же. Оставь записочку *ему*. Это приведет его в чувство.

— Нет, Сэм, спасибо.

— Ты позволяешь ему обращаться с собой, как с преступницей. Это же дикость.

— Знаю, но…

— Одевайся, собирай вещи и поехали. Пока он не проснулся. Давай же. — Сэм вскакивает, словно для того, чтобы заразить ее собственной решимостью. — И больше никаких оков. Разве только ты сама не хочешь от них избавиться.

Элинор улыбается.

— Спасибо, Сэм, не могу.

— Но почему?

— Если я сейчас уйду, я больше не вернусь. Это будет конец.

— Ну, может, ваши отношения исчерпаны.

— Я не хочу развода, Сэм! — восклицает Элинор. — Все вокруг, все знакомые в разводе. Я знаю, как это действует на людей. И ты это знаешь. И не хочу проходить через это, тем более в моем возрасте. Нужно было решаться десять лет назад, если я вообще собиралась разводиться.

— Но если брак трещит по швам…

— Нет, с тех пор как мы сюда переехали, стало гораздо лучше, — возражает Элинор. — Адриан бывает очень мил, когда он в хорошем настроении.

— О-о, кто-кто, а я это знаю.

— А с тех пор, как он перестал писать романы, он почти всегда в хорошем настроении. — Она прибавляет: — Либо притворяется, что в хорошем — а в моем случае это одно и то же. — Попытка отшутиться дается ей с трудом — голос у нее садится.

— Почему ты вышла за него, Элли?

Она какое-то время колеблется, как человек, балансирующий на краю пропасти. Потом очертя голову бросается вперед.

— Потому что он был отцом ребенка.

— Ты о чем?

— Когда я делала аборт.

Сэм смотрит на нее во все глаза.

— Ты же сказала, что не знаешь, чей это ребенок — его или мой.

— Но я знала. Я предохранялась, когда была с тобой.

— А когда с Адрианом — нет?

Элинор кивает. Сэм простирает руки к небу.

— Бог мой! Почему ты не сказала тогда?

— Я думала, так будет лучше. Я думала, вы оба будете меня поддерживать, и, если ни он, ни ты не будете знать, кто отец, мы останемся вместе. Ну, как в расстрельной команде, когда неизвестно, у кого холостой патрон. — Подумав, она прибавляет: — А может, наоборот.

— Я… я… — Сэм лишается дара речи.

— Я была молоденькой, перепуганной девчонкой с кашей в голове. Я хотела только одного — чтобы беременности не было. Потом я очень мучилась. Однажды — ты тогда был в Америке на стипендии — я призналась Адриану, что отец — он. Он сначала оторопел, как ты сейчас. Но очень скоро попросил выйти за него.

— И после всего ты смогла родить?

— Да. Но иногда думала: а вдруг тогда была девочка? Мне бы хотелось иметь девочку.

— Из нее могла получиться Фанни Таррант, —

ехидничает Сэм.

— Не шути на эту тему, Сэм!

— А как я должен реагировать? Могу и рассердиться, если ты это предпочитаешь.

— Не надо, пожалуйста.

— Черт возьми, Элли! Ты же оставила меня в дураках.

— Знаю. Это было нехорошо. Прости меня.

— И по твоей воле я так и остался в дураках.

— Я пыталась обмануть себя, Сэм, притворялась, что ничего этого не было.

— Я в жизни совершил немало ошибок, и нешуточных, — говорит он с чувством. — И отлично бы обошелся без половинной доли в этой истории.

— Ну прости, Сэм, — повторяет Элинор. — Она подходит к нему и касается его руки. — Скажи, что прощаешь меня.

— Ладно. Прощаю тебя.

Элинор целует его в щеку и опускается в шезлонг.

— Сколько еще времени ты собираешься мириться с тем, что Адриан выживает тебя из дому?

— Не слишком долго. Как бы ни была ужасна писанина Фанни Таррант, всё лучше, чем сидеть и ждать. У меня такое чувство, что, когда худшее

будет позади, рассеются и злые чары. Адриан снова будет разговаривать со мной, и мы как-нибудь все уладим.

— А если нет?

— Тогда я с благодарностью приму твое приглашение и перееду к тебе в гостевую комнату, — говорит она с бледной улыбкой.

Сэм садится на диван.

— Когда обычно доставляют ваши утренние газеты?

— По-разному. Все зависит от того, привозит ли их сам Барнс в фургоне или отправляет к нам на велосипеде сына. Когда ты приехал, я думала, это фургон.

— Почему бы мне не смотаться сейчас в деревню и не купить "Сентинел"?

— Барнс так рано не открывает.

— Но где-нибудь что-нибудь будет открыто.

— В такую рань в воскресенье — нет. На много миль вокруг.

Какое-то время они сидят молча.

— Забавно, — прерывает молчание Элинор. — Это похоже на воскресные утра в Лондоне, когда мы ждали доставки газет после выхода книги. У меня это всегда вызывало какое-то противное тошнотворное чувство: мучительная неизвест-

ность, и ты взываешь к небесам, чтобы отзывы были хорошие, хотя умом понимаешь, что это глупо, — отзывы напечатаны и ничего нельзя изменить. Тысячи людей их уже прочли. Я всегда ненавидела это состояние. В такие минуты я сочувствовала Адриану.

— Хочешь, чтобы я дождался газет? Или предпочитаешь остаться одна?

— Не уходи, — просит Элинор.

— Тогда можно мне кофе?

Элинор с улыбкой встает.

— Ну конечно.

— А мне нужно освежиться, как выражаются американцы.

— Воспользуйся туалетом за кухней. Иди за мной.

Элинор уводит Сэма. Через минуту-другую на лестнице появляется Адриан — на нем футболка и тренировочные штаны; спустившись, он пересекает холл и направляется прямиком к входной двери. Почти тотчас поворачивает назад, входит в общую комнату и обводит ее взглядом, словно кого-то ищет. Из кухни появляется Элинор, в руках у нее поднос со столовыми приборами. Увидев Адриана, она словно прирастает к полу.

— Если ты ищешь газеты, их еще не принесли.

Адриан и бровью не ведет. Он подходит к газетнице, стоящей рядом с камином, вытаскивает старое воскресное приложение, садится в кресло и делает вид, будто читает.

Элинор подходит к столу и разгружает поднос.

— Я готовлю кофе и тосты, — говорит она, — будешь есть?

Адриан не обращает на нее ни малейшего внимания.

— Приехал Сэм. — Адриан резко вскидывает голову и впивается в нее взглядом. — Он в туалете. — Адриан снова утыкается в газету. — Я все ему рассказала, так что ты с таким же успехом можешь прекратить свою глупую игру.

Адриан все так же игнорирует ее. Она со стуком переставляет посуду с подноса на стол и возвращается на кухню. Адриан перестает притворяться, будто поглощен чтением. Через несколько мгновений из кухни выходит Сэм.

— Адриан! Ты встал, — говорит он с несколько преувеличенной радостью.

Адриан смотрит на него холодно.

— Что ты тут делаешь?

— Сегодня прилетел из Лос-Анджелеса. Заглянул наудачу, чтобы прихватить свою керамику. — Он направляется к журнальному столику,

на котором стоит его ваза и берет ее в руки.

— Ты вроде бы собирался уехать на *месячишко*.

— Планы поменялись, — отвечает Сэм, вертя вазу в руках. — Прелестный обжиг, — восхищается он.

— Ты хочешь сказать, что тебя попросили со студии?

— Нет, это я их попросил. Фигурально выражаясь.

Он ставит вазу на место.

— А в буквальном смысле?

— Самоустранился. Понял, что не желаю превратиться в голливудскую шлюху. Вот он я, сижу под большим пляжным зонтом рядом с собственным бассейном в Беверли-хиллз, в тысячный раз переделывая любовную сцену между двумя лесбиянками: Флоренс Найтингейл и молоденькой медсестрой…

— Флоренс Найтингейл была лесбиянкой? — удивляется Адриан

— По сценарию — да, — подтверждает Сэм. — В общем, сижу и вкалываю на своем лэптопе, и вдруг спрашиваю себя: а что это я тут делаю, зачем трачу свою драгоценную жизнь на эту фигню? Ну да, конечно, я очень даже неплохо

заработаю, но кто может мне гарантировать, что это вообще будут снимать, а даже если *и в самом деле* снимать будут, воспользуются ли моим текстом или закажут другой, и вообще кому это все надо, если снимать будут через десять лет?

— Прямо-таки чудо на пути в Дамаск{16}, — не может удержаться Адриан.

— Точно, — не возражает Сэм. — Снова на свет народился. Как младенец.

— И снова лыс, как младенец.

Сэм не обращает внимания на шпильки Адриана.

— Я понял, что еще немного и я того и гляди стану машиной для штамповки сценариев.

Адриана эта фигура речи явно задевает за живое.

— Ты хочешь сказать, что чем больше сценариев, словно автомобилей с конвейера, выходит из твоего принтера, тем меньше ты даешь себе труд задуматься, а что ты, собственно, произвел на свет?

— Вот именно.

— Ну и ну, — на Адриана сказанное производит впечатление. — И что ты намерен предпринять

{16} notes: 16

Имеется в виду обращение Савла Тарсянина (Деяния. 9:3-18).

по этому поводу?

— Устроить себе каникулы на годик-другой. Не соглашаться ни на какие сценарные предложения. Почитать настоящие книги, поразмышлять на досуге. Может, написать роман.

— Роман?

— Да, мне всегда хотелось попробовать себя в роли романиста.

— Это труднее, чем тебе кажется, — бросает Адриан. — Значит, ты не собираешься предлагать Би-би-си сценарий по "Укрытию"?

— М-м, в ближайшее время — нет, — признается Сэм. Он пребывает в некотором замешательстве. — Извини, дружище. Как я понимаю, заговор против Фанни Таррант провалился.

— Да.

— А Питер Ривз из "Кроникл" связывался с тобой?

— Да.

— Его что, не заинтересовало твое предложение?

— Отчего же, заинтересовало. Но самое компрометирующее, что я смог узнать о Фанни Таррант, это что она училась в монастырской, а не в государственной школе; что она сожительствует с молодым человеком по имени Крайтон; и что

на плече у нее татуировка в виде бабочки с инициалами бывшего рок-музыканта. Согласись, для сокрушительного удара по репутации маловато взрывчатки.

— Зато, как я слышал, ты ей предоставил ее предостаточно.

— Не я. Элинор.

— Эй, брось, Адриан, будь честен. Это ведь *ты* рассказал ей о нашей троице в университете.

— Но не для записи.

— А зачем вообще было рассказывать?

— Чтобы отделаться малой кровью. Она взяла след…

— Ну, а сауна зачем?

Адриан какое-то время хранит молчание.

— Сам не знаю, — наконец говорит он.

— *Сам не знаешь?*

— Это было под влиянием минуты. Кажется, я подумал, что, если поражу ее чем-то совершенно неожиданным, она может проговориться.

— Ты что, серьезно отнесся к затее с двойным интервью? — не верит Сэм.

— Тебя это, кажется, удивляет?

— Ну, честно говоря, я потрясен тем, что ты пошел до конца. Почему же ты не сообщил мне? — Адриан молчит. — Ты не давал знать о

себе, и я решил, что по некотором размышлении ты отказался. Жаль, что это не так.

— Жаль — *тебе*?

— Ну да, кашу ведь я заварил. Сознаю ответственность.

— Тогда, может, ты все и уладишь? Постарайся скупить все экземпляры сегодняшнего выпуска "Сентинел" и сожги их. Ходи от двери к двери по всей стране и выкупай доставленное на таких условиях, чтобы никто не в силах был отказаться. А тех подписчиков, кто уже отведал стряпни Фанни Таррант, пичкай лекарствами, отшибающими память. — Адриан смотрит на свои часы. — На твоем месте я бы поторопился. Времени в обрез.

— Хорошо, искупить причиненный ущерб не в моих силах, — говорит Сэм, — но не исключаю, что помогу тебе примириться с ним.

— Весьма сомневаюсь.

— Подготовься психологически. Твой худший враг — страх…

— А ты, между прочим, не прошел ли курс у психоаналитика, пока торчал в Калифорнии? — перебивает Сэма Адриан.

— Ну что такого ужасного может сказать о тебе Фанни Таррант? Что ты бросил писать, потому что не мог вынести критику?

— Предполагается, что ты сейчас вселяешь в меня бодрость?

— Это самое страшное, что ей известно. Ты что, не способен взглянуть правде в глаза и примириться с собой?

— Нет, коль скоро ты спрашиваешь, — с горечью признается Адриан. — Нет, не могу. Не могу вынести мысль, что полмиллиона людей узнают это обо мне. Не могу одолеть собственную слабость и стыжусь ее — двадцать лет я ухитрялся ее скрывать.

Входит из кухни Элинор с полным подносом и ставит его на обеденный стол.

— А, кофе и тосты! — восклицает Адриан совершенно другим тоном. — Полагаю, ты уже завтракал с шампанским где-нибудь над Ирландским морем, Сэм, но, может, ты не побрезгуешь и нашей скромной трапезой? Садимся за стол, Элли?

— Адриан, если ты сейчас же не оставишь эту фальшивую манеру радушного хозяина, клянусь Богом, я запущу в тебя кофейником.

— Не понимаю, о чем ты, милая.

— Сэм, выйди, — требует Элинор.

— Что такое?

— Делай, что я сказала! — кричит она. — Иди

в холл и жди!

— Иди! — требует Адриан.

— Ждать чего?

— Иди же!

Сэм покорно удаляется и закрывает за собой дверь.

— Либо ты начнешь разговаривать со мной как нормальный человек, либо я собираюсь и ухожу сейчас же, немедленно, сию минуту, — отчеканивает Элинор. — Сэм предложил мне разделить с ним кров.

Адриан молчит, не глядя на нее. Через несколько секунд Элинор решительно идет к двери. Она уже берется за дверную ручку, когда Адриан шелестит едва слышно:

— Хорошо.

Элинор сдерживает шаг и оборачивается.

— Ты что-то сказал?

— Я сказал "хорошо".

— Что именно "хорошо"?

— Хорошо, я буду разговаривать с тобой как нормальный человек. Я уже это делаю.

Элинор возвращается к столу.

— А знаешь, я почти надеялась, что ты не согласишься, — признается она, — и можно будет уйти отсюда с чистой совестью.

— Прости, Элли.

— Последние две недели ты вел себя как свинья.

— Знаю.

— Я ведь отнюдь *не жаждала* переезжать сюда, Адриан. Не *жаждала* уходить из музея{17}, расставаться с друзьями, отказываться от театров, выставок, даже от магазинов — иногда, Бог знает почему, хочется по ним побродить. Я сделала это *ради тебя*. Ради твоего покоя. Ради твоего душевного здоровья. И какова благодарность? Ты на все это наплевал, просто чтобы удовлетворить собственное тщеславие. А когда я на это прореагировала, ты… ты… — Элинор падает на ближайший стул и разражается слезами. Дверь холла приоткрывается и появляется испуганное лицо Сэма. Адриан спешит к Элинор, чтобы ее утешить, но Сэм подбегает первым и отталкивает Адриана.

— Элли, что случилось? — говорит он, приобнимая ее за плечи.

— Как, по-твоему, что ты делаешь? — возмущается Адриан.

{17} notes: 17

Зд.: музей Виктории и Альберта (сокращенно V&A) — лондонский музей декоративно-прикладного искусства, обладающий среди прочего богатейшей коллекцией керамики.

— Почему она так горько рыдает? — наступает на него Сэм.

— Не твое дело, — огрызается Адриан и пытается оттолкнуть Сэма от Элинор. С минуту они довольно грубо пихаются, затем расходятся, но не спускают глаз друг с друга.

— Знаешь, мне иногда не верится, что мы были когда-то друзьями.

— Странно, что я чувствую то же самое, что и ты, — парирует Адриан.

— Ты стал надутым, эгоистичным, спесивым занудой.

— А ты — самовлюбленным, чванливым, беспринципным прохиндеем. Фанни Таррант раскусила тебя.

— Жду не дождусь, что она поведает о *тебе*.

Элинор понемногу успокаивается. Пока мужчины пожирают друг друга глазами, она достает из кармана бумажный платок и сморкается.

— Почему ты сказал "беспринципный"? — приступает Сэм к Адриану.

— Потому что ты был когда-то подающим надежды драматургом. Но запродался телевидению ради дешевого успеха.

— Лучше дешевый успех, чем снобистский провал. Испугался, что я напишу удачный, попу-

лярный роман, да?

— Ты и роман — вещи столь несовместимые, что сама идея вызывает смех…

— Заткнитесь оба! — кричит Элинор. И повелительно вскидывает руку, требуя, чтобы они угомонились. Они повинуются. В наступившей тишине слышится шум подъезжающей к коттеджу машины. — Пойду открою дверь, — говорит Элинор, — пока газеты протолкнут в почтовый ящик, пройдут годы. — Она удаляется, а мужчины садятся и ждут.

Сэм нарушает молчание:

— И как она тебе показалась голенькая?

— Прекрати, ради бога!

— Но мне же интересно.

— Я не особенно вглядывался.

— Да брось, Адриан! Ты хочешь сказать, что уломал Фанни Таррант скинуть экипировочку и не посмотрел на ее титьки и задницу? Она бреет лобок?

Адриан не отвечает. Он не отрывает глаз от появившейся в дверях и застывшей на пороге при звуке собственного имени Фанни Таррант.

— Могу поспорить, что бреет, — лениво тянет Сэм. Не замечая ничего вокруг, он откидывается на спинку шезлонга и закрывает глаза. — Держу

пари, что каждую пятницу она с религиозной истовостью подбривает себе линию бикини, оставив только крошечный хохолок над промежностью — длинненький, как усики Чарли Чаплина. Правильно я говорю?

— Неправильно! Остренький — как бородка клинышком, — поправляет его Фанни Таррант, которая входит в комнату вместе с Элинор.

Сэм вскакивает как ужаленный, и вонзается взглядом в Фанни Тарант.

— Какого черта вы тут делаете?

— Проезжала мимо, правда, не ожидала встретить тут вас, мистер Шарп.

Лицо у Фанни бледное, взгляд рассеянный, вид какой-то встрепанный. Одета она затрапезно: в длиннополую рубашку и того же цвета брюки.

Выражение лица у Элинор сердитое и смущенное одновременно.

— Это ты ее позвал? — обращается она к Адриану.

— Конечно, нет! — восклицает он.

— Наверное, забыла что-то из своего бельишка в сауне, — вставляет свое слово Сэм.

— Что вам угодно? — обращается Адриан к Фанни.

— Я полагаю, вы уже прочли…

— Нет. Нам еще не принесли газеты.

— А-а… — Фанни явно не в своей тарелке. — На вашем месте я бы не придавала значения. Получилось жестковато. Но это неважно — никто не обратит внимания. — Фанни с тоской смотрит на стол: — У вас случайно не кофе?

— К чему это? — спрашивает Элинор. — Вам тут не рады.

— Мягко говоря, — добавляет Сэм.

— Умираю хочу кофе, — признается Фанни.

— Пейте. Но наливать вам я не буду, — отрезает Элинор.

Фанни устремляется к столу и поспешно наливает себе чашку кофе.

— Что вы там понаписали об Адриане?

— А вы не догадываетесь? Что кумир моего детства оказался колоссом на глиняных ногах. Писателем, который превратил свою семейную жизнь в ад из-за плохих рецензий. Человеком, который слинял из кухни потому, что не мог вынести печного жара, а сделал вид, будто лишился аппетита.

Адриан буквально каменеет от этих слов. Фанни пьет кофе крупными глотками и вздыхает с облегчением:

— Боже, как это было кстати!

Элинор спрашивает:

— И все?

Фанни удивляется:

— Вам мало?

— Но там ничего нет о… наших студенческих годах?

— Это же было не для записи. А можно мне еще и тостом разжиться?

Элинор пожимает плечами и роняет равнодушно:

— Берите.

— А может, изволите что-нибудь горяченькое? Яичницу не желаете? — издевается Сэм. — Вы какую предпочитаете — глазунью или болтунью?

— Нет, больше ничего не надо, — говорит Фанни и сует в рот тост. — Наверное, у меня приступ гипогликемии — я только что потеряла сознание в машине…

— Вот что, не знаю, как вы, а я подустал от этого цирка, — перебивает ее Сэм. — Говорите, зачем явились, и катитесь отсюда. А то и сразу катитесь.

Фанни обводит их взглядом, затем смотрит в угол на не включенный телевизор и спрашивает:

— Вы что, правда, не знаете?

— Не знаем — чего? — недоумевает Элинор.

— Какое странное чувство! Вы словно за стеклом. В другом эоне. Ничего не знаете.

— Не знаем о чем? — не выдерживает Адриан.

Примерно полтора часа назад Фанни Таррант сидела на переднем пассажирском сиденье красного "BMW 318i", за рулем которого был ее партнер Крайтон Дейл. Они направлялись в Гэтуик, чтобы попасть на каникулярный чартерный рейс в Турцию. Машина скользила по средней полосе лондонской окружной дороги со скоростью семьдесят миль в час. Крайтон, профессиональный юрист, неукоснительно соблюдал правила ограничения скорости. Его водительские права отличались девственной чистотой, и он намеревался сохранять их такими и впредь. Если парочке доводилось спешить, за руль садилась Фанни и развивала скорость. Но в это раннее воскресное утро особого движения на M25{18} не было, да и впереди у них еще оставалась куча времени.

Поднялись они ни свет ни заря, разбуженные в своей клеркенвильской мансарде двумя будильниками и телефонным звонком, который

{18} notes: 18
Главная лондонская окружная дорога.

заказали в "Бритиш телеком", наскоро натянули на себя одежду, подцепили упакованные накануне сумки и, зевая и спотыкаясь после куцего сна, шагнули в туман Восточного Лондона. Но вскоре они повеселели — пьянило предчувствие отдыха. Они были красивой парой — светловолосая, гибкая Фанни и поджарый, горбоносый Крайтон с ежиком шелковистых каштановых волос — и, похоже, сознавали это. В автомобильную стереосистему был вставлен диск, звучала тихая музыка. Играла бельгийская музыкальная группа "Энигма" — смесь грегорианского хорала с электронной танцевальной музыкой, которую оба они любили за чувственные ритмы и легкий привкус святотатства.

— Ты взял фотоаппарат? — вспоминает Фанни.

— Да. Но его надо зарядить, куплю в аэропорту пленку.

— А я — сегодняшнюю газету.

— Ты вроде бы собиралась забыть о существовании газет на две недели.

— Это последний штрих — потом можно и успокоиться.

— Что там у тебя?

— Дневник и интервью с Адрианом Ладлоу.

— Что еще за Ладлоу?

— Да, — вздыхает Фанни, — боюсь, именно так и скажут, развернув газету, чуть ли не все читатели: — *Что еще за Ладлоу?*

— Зачем же ты поехала к нему?

— Когда-то он написал книгу, которая очень много для меня значила. "Укрытие".

— Не знаю, не читал… Кажется, у тебя давно не было настоящей звезды. Они что, стали побаиваться тебя?

— Не столько они, сколько их прихвостни, — объясняет Фанни. — Теперь пиар-публика требует, чтобы с ней согласовывали интервьюера, а стоит им услышать мое имя — тут же отказ. Для меня единственный шанс — прорваться и поговорить с самой знаменитостью. По моему опыту, мало кто способен отказаться от приглашения поговорить о себе любимом. А ты тоже держи ухо востро, — добавляет Фанни, — до этого мне еще не приходилось раздеваться догола, чтобы выудить историю.

— А, Ладлоу — это тот, с сауной?

— Он самый.

— По-моему, типичный грязный старикан, — негодует Крайтон.

— Нет, он был скорее мил. И совершенно безобиден, — не соглашается Фанни.

— Надеюсь, тем не менее ты его приложила по полной, — гнет свое Крайтон.

— Ты что, ревнуешь? — недоумевает Фанни.

— Не столько ревную, сколько не доверяю, — поясняет Крайтон. — На что она похожа, эта сауна?

— Такой себе деревянный сарайчик, совсем маленький. В углу печка. Двухуровневые полки; рассчитан на троих; четверо — уже под завязку. Практически без окон, с потолка льется тусклый желтенький свет — в общем, полное ощущение духовки.

— Вы оба были голые?

— Я сначала было задрапировалась в полотенце, но потом сняла— очень мешало.

— А он не пробовал?..

— Нет. Но была такая минута, когда он… — Голос Фанни дрогнул — ей припомнилась эта минута.

Крайтон, не спускавший глаз с дороги, мечет в нее короткий острый взгляд.

— Когда он что?

— Прикоснулся ко мне. Но это не в сауне, а позже, когда мы отдыхали, завернувшись в купальные халаты. Я полностью расслабилась, было так хорошо. Я показала ему свою татуиров-

ку. Он потрогал ее пальцем. И вдруг атмосфера накалилась. Не знаю, что было бы дальше, если бы в эту секунду не появилась его жена.

— Его жена? Ты мне раньше об этом не рассказывала.

— Крайтон, да мы в последнее время двух слов не успевали друг другу сказать, так оба были заняты. И сексом уже сто лет как не занимались.

— Я намерен наверстать упущенное в ближайшие две недели, — заявляет он. — Собираюсь замучить тебя вконец. — Фанни вместо ответа самодовольно улыбается. — Так что ж она сказала, эта самая жена?

— Поначалу ничего особенного. Но потом, когда он на несколько минут вышел, она вдруг выложила, каково это быть замужем за ним, — получилась довольно горькая исповедь. Ей нужно было выговориться.

— Короче, ты *сделала* его?

— Да, — подтверждает Фанни. — Думаю, да.

— Умница. — В эту минуту CD замолкает, и Крайтон просит: — Поставь что-нибудь еще.

— Давай послушаем радио, — просит Фанни. — Сейчас как раз новости.

— Опять новости, — сокрушается он.

Фанни нажимает кнопку на системе — включа-

ется Би-би-си-4. Ведущий по телефону обсуждает с кем-то произошедшую автокатастрофу. Проходит минута, а может, и две, прежде чем они слышат "Париж", "папарацци", "принцесса Диана".

— Диана? — вскрикивает Фанни. — Господи, что она еще выкинула?

Ведущий заканчивает телефонный разговор и объявляет:

Для тех, кто только что присоединился к нам. Получено официальное подтверждение: принцесса Уэльская скончалась от полученных травм в четыре часа утра в парижском госпитале…

Фанни ахает и хватает Крайтона за руку, из-за чего машина слегка вихляет в сторону.

— Диана погибла? Не могу поверить.

— Тише! — говорит он. — И отпусти мою руку.

Они внимательно слушают краткий выпуск новостей.

— Не могу поверить, — твердит Фанни. — Диана *умерла*. И Доди тоже.

— И водитель, — добавляет Крайтон. — Наверное, столкновение. — Он немного ослабляет нажим на педаль акселератора и сбрасывает скорость до 67 миль.

— Не могу поверить, — твердит Фанни,

— Ты это уже говорила, — пытается остановить ее Крайтон.

— Невероятно!

— Не так уж невероятно, — не соглашается Крайтон. — Ты только вспомни, что она выделывала в последнее время. Во всем этом было что-то безумное, безудержное. И обреченное — пахнувшее смертью.

— Но не такой же!

— Зато какой карьерный взлет, — отвечает Крайтон.

Фанни прыскает, но ей сразу делается стыдно.

— Крайтон! Это гнусно!

— Однако справедливо, — не унимается он. — Теперь уж никто никогда не посмеет ее критиковать.

Фанни на какое-то время погружается в молчание. Наконец, у нее вырывается:

— Черт!

— Ты о чем?

— Там у меня в "Дневнике" есть о Диане.

Крайтон переводит взгляд с дороги на Фанни.

— Что именно?

— Пара теплых слов.

— Иначе и быть не могло, ведь это ты писала, верно?

— Вот черт! — снова восклицает Фанни. — На что это будет похоже — ведь читатели знают, что она *загнулась*?

— Думаю, сегодня утром ты не одна в таком положении.

— От этого мне не легче, — огрызается Фанни.

— Я просто пытаюсь тебя успокоить. Дьявольщина! — восклицает он и бьет кулаком по рулю от огорчения.

— Что случилось? — пугается Фанни.

— Я пропустил поворот на М23, — говорит он и выключает радио.

— Не трогай радио!

— Оно меня отвлекает. Из-за него я пропустил поворот.

— Великое дело! Повернешь назад на следующем съезде.

— Я сам знаю, что делать. — Крайтон едва сдерживает раздражение. — Терпеть не могу промазывать. Слава Богу, у нас еще полно времени впереди. — Он снова доводит скорость до 70 миль.

Через несколько миль они доезжают до места, где можно развернуться, выезжают на противоположную полосу и возвращаются к пересечению с М23. Когда они оказываются на своем шоссе,

Крайтон заметно веселеет и замечает:

— Потеряли всего минут двадцать.

Фанни, которая давно молчит и думает о чем-то своем, включает радио. Крайтону это явно не по душе, но он сдерживается и ничего не говорит. Ведущий беседует с корреспондентом, который докладывает, что у Кенсингтонского дворца начинают собираться люди, у многих с собой цветы. Корреспондент интервьюирует их — спрашивает, что привело их сюда. Одна из женщин отвечает: *Она приходила в больницу, когда там лежал мой малыш. У него была лейкемия. Она держала его за ручку и разговаривала с ним. Она была чудесная.*

Фанни разражается слезами. Крайтон смотрит на нее с удивлением.

— Что с тобой? — спрашивает он и снова выключает радио.

— Сама не знаю, — признается она.

— Ну ладно, все это печально. И очень ее жаль. Но ты даже не знала ее. И она тебе не нравилась.

— Понимаю, что это глупо, — говорит Фанни и сморкается. — Но ничего не могу с собой поделать.

— Может, у тебя критические дни?

— Ради Бога, Крайтон, — взвивается Фанни. — Неужели у меня не может быть обыкновенных

человеческих чувств? Неужели все на свете объясняется гормонами?

— В Турции тебе сразу станет лучше, — говорит он, стараясь ее ободрить. — Даже раньше — как только самолет поднимется в воздух. Отпуск начинается в ту минуту, как стюардесса подносит первый бокал вина за счет авиакомпании, — я всегда так считал.

Фанни насупившись молчит некоторое время. Затем тихо говорит:

— Я не поеду.

— Что?

— Не поеду в Турцию.

— Что ты такое говоришь?

— Ты просто не понимаешь, Крайтон, это информационная бомба. Погибла самая знаменитая женщина в мире. Ничего подобного не происходило… ну, не знаю… со времени убийства Кеннеди. Реакция должна быть… невероятной. Как поведет себя королевская семья? Как поведет себя страна? Это будут всем похоронам похороны. Я не могу уехать из Англии *в такое время.*

— Ты хочешь отменить поездку?

— Да.

— Деньги нам не вернут.

— Что ж, очень жаль.

— Но мы так долго ждали отпуска — недели, месяцы! Мы оба измотаны. Нам необходимо отдохнуть, Фанни!

— Я могу потерпеть еще несколько недель.

— Зато я не могу каждый раз договариваться на работе!

— Тогда езжай один, — отвечает Фанни.

— Один?

— Да. Я не возражаю.

— *Ты* не возражаешь, — горячится Крайтон, — а меня спросить ты не хочешь? Ты думаешь, мне будет приятно одному торчать две недели в турецкой гостинице в каком-то курортном городишке?

— Может, ты познакомишься с какими-нибудь симпатичными людьми, — высказывает предположение Фанни.

— В самом деле? Ты, наверное, не заметила, люди обычно ездят в пуск парами или семьями. И не рвутся завязывать знакомство с одинокими молодыми людьми.

— Откуда ты знаешь, а вдруг там будет одинокая молодая женщина, — вырывается у Фанни, но она явно тут же жалеет о сказанном.

— И ты ничего не имеешь против?

Фанни старается уклониться от его взгляда, но

он повернул голову и гневно смотрит на нее.

— Нет, если это будет безопасный секс и ты потом ничего мне не скажешь, — говорит она с вызовом.

— Ушам своим не верю, — недоумевает Крайтон. — Ты не в своем уме, Фанни. Ты ставишь на карту наши отношения.

— Извини, Крайтон, но я просто не могу себе представить, что нежусь у бассейна в Турции, пока тут совершается история. Почитываю в шезлонге позавчерашние газеты. Конечно, я бы предпочла, чтобы ты остался со мной. Но если тебе нужно ехать, езжай. Я не в обиде.

— Ладно, поеду.

— Давай.

До аэропорта они едут в угрюмом молчании. Крайтон подруливает прямо к залу регистрации, останавливается напротив стеклянных дверей, выходит из машины, не вынимая ключей из зажигания, и открывает багажник. Фанни стоит рядом с ним, пока он выгружает свои вещи.

— Прости, Крайтон, — говорит она несчастным голосом. — Хорошего тебе отдыха!

Он поворачивается и уходит, не говоря ни слова. Стеклянные двери разъезжаются перед ним и тотчас смыкаются за его спиной.

А Фанни садится в машину, подстраивает под себя водительское сиденье, заводит мотор и включает радио: *Известие было доставлено членам королевской семьи в Балморал, где они традиционно проводят лето*, — объявляет диктор. — *Надо полагать, принц Чарлз уже сообщил юным принцам о смерти матери.* Фанни круто берет от кромки тротуара, свернув перед самым носом лимузина, водитель которого резко тормозит и сигналит. Рванув вперед, Фанни чудом избегает столкновения.

Растерянная, заплаканная, жадно вслушивающаяся в голос диктора, Фанни не замечает на выезде из аэропорта знак на М23 и оказывается на тихой проселочной дороге. Она едет медленно, вглядываясь во все дорожные знаки, силясь понять, куда попала.

— Не знаем о чем? — не выдержал Адриан.
— Диана погибла.
— Какая Диана?
— Диана, принцесса Уэльская.
— *Что*? — вскрикивает Элинор.
— Как? — вскрикивает Адриан.

И Фанни рассказывает о машине, которая неслась по Парижу, преследуемая папарацци, о туннеле, бетонном столбе, роковом столкно-

вении.

— Когда же это произошло? — уточняет Сэм.

— Сегодня на рассвете.

— Это точно? Есть официальное подтверждение? — допытывается Адриан.

— Да. Мы слышали сообщение по автомобильному радио час тому назад или, может, чуть больше.

— Кто это мы?

— Мы с Крайтоном. По дороге в Гэтуик.

Адриан бросает взгляд в окно.

— Значит, Крайтон с вами?

— Нет, он улетел в Турцию.

— А вы отказались от поездки из-за смерти Дианы?

— Да, — подтверждает Фанни. — И, похоже, от отношений с Крайтоном тоже. Но я и помыслить не могла, что уеду в такую минуту.

— Но зачем вы прибыли *сюда*?

— В сегодняшнем "Сентинеле" у меня два материала. Ваше интервью. И отрывок из "Дневника". Почти весь о Диане, — Фанни умолкает и кусает губы.

— Ну и дела! — бормочет Сэм.

— Когда я услышала новость, меня просто оторопь взяла — я не поверила. Но тут же вспомнила,

что написала в "Дневнике". И подумала о тех, кто, едва очнувшись от сна, узнает о смерти Дианы, откроет газету и прочтет мои подкалывания в ее адрес. Помню каждое свое слово: *Она хочет существовать одновременно в двух ипостасях: как Мадонна минных полей, которая баюкает безногих-безруких младенцев, и как Мессалина Западного мира, которая упивается роскошью на быстроходной яхте Доди, в купальнике из леопардовой шкуры…*

— Чудненько, — куражится Сэм. — Знакомый почерк!

— Не одна я пишу о ней — пишут и другие журналисты, но кому же хочется, чтобы такое появилось за его подписью в подобный день. Я бы все на свете отдала, чтобы эти слова исчезли, но ничего не исправишь: они напечатаны черным по белому и уже на пути в сотни тысяч домов… По радио сказали, что люди собираются у ворот Кенсингтонского дворца и кладут цветы у ограды. Передавали разговор репортера с женщиной, чьего ребенка Диана навещала в больнице… Я не могла сдержать слез, когда слушала. Крайтон решил, что у меня крыша поехала… Мы страшно поссорилась из-за того, что я не еду в Турцию. Он просто пошел к самолету, а машину оставил мне.

Вообще-то я не в состоянии была вести — пропустила знак на шоссе, выезжая из аэропорта, попала на проселочную дорогу. Решила, что безопаснее оставаться, где есть. И все время слушала радио — раз за разом повторяли одно и то же. А у меня проплывали в голове слова из моего "Дневника". *Принцесса в двух ипостасях*— это подзаголовок колонки. Я спросила себя, а почему, черт подери, ей было не иметь двух ипостасей? Разве все мы этого не хотели бы, будь у нас такая возможность? До чего же подло. А потом, — тут Фанни поворачивается к Адриану, — я вспомнила, что у меня еще статья про вас в этом номере… Стала прокручивать ее мысленно и поняла, что она тоже не без подлинки. Тут мне попался на глаза указатель с названием вашей деревни… и я свернула.

— Чего же вы хотите? — вступает в разговор Элинор. — Чтобы мы вас простили?

— Это было бы слишком хорошо, — вырывается у Фанни, которая вроде об этом и не думала.

Адриан пожимает плечами.

— Ну, если наше прощение что-нибудь значит…

— Нет! — перебивает его Сэм. — Не давай ей выкрутиться, Адриан. Провалиться мне на этом

месте, если я позволю ей выйти сухой из воды.

— О, я не имела в виду вас, мистер Шарп. Я вовсе не испытываю угрызений совести по поводу *той публикации*.

— Вот и хорошо. Я как раз собирался сказать, что вы можете засунуть свои угрызения совести себе в задницу, — заявил Сэм. — В жизни не слышал такой собачьей чуши — сплошные сопли.

Фанни даже не смотрит в его сторону.

— Послушайте, не нужно огорчаться из-за моего интервью, — обращается она к Адриану. — Никто его не будет читать.

— В каком смысле?

— В сегодняшних воскресных газетах будут читать только о Диане. Люди будут смотреть телевизор, слушать радио и, сгорая от нетерпения, ждать завтрашних газет. Сейчас все жаждут прочесть одно и то же, и это вовсе не моя статья о вас. Я потому и приехала — хотела вам сказать это. А теперь мне пора. Спасибо за завтрак.

Фанни выходит из комнаты. Слышно, как закрывается дверь, а потом — заводится мотор. Адриан подходит к окну посмотреть.

Элинор первой нарушает молчание:

— В голове не помещается.

— Что именно? Обращение Фанни Таррант на

пути в Гэтуик? — интересуется Сэм.

— Смерть Дианы, — обрывает его Элинор.

— А-а, — тянет Сэм.

Они слышат, как шуршат шины по гравию. Адриан отходит от окна.

— Это так поэтично, правда? Прямо греческая трагедия. Трудно поверить, что жизнь способна так откровенно подражать искусству.

— По-твоему, поэтично попасть в аварию и превратиться в кровавое месиво? — возмущается Элинор.

— Да, но убегая от папарацци. Фурий массмедиа. Причем вместе с последним любовником. Любовь и смерть. Ужасающая симметрия.

— Почему тебе нужно все превращать в литературу? — негодует Элинор. — Она, слава тебе Господи, была женщиной из плоти и крови. В расцвете лет. Матерью двоих сыновей.

— По-моему, она тебя не слишком занимала, — напоминает Адриан.

— Пожалуй… вернее, мне так казалось, — тянет Элинор задумчиво. — Но когда она сказала, — тут Элинор делает жест в сторону уехавшей Фанни, — когда она сказала "Диана разбилась", у меня что-то оборвалось внутри. Словно речь шла о близком человеке. Непонятно как-то.

— Она была звездой, — объявляет Сэм. — Вот и весь секрет.

— Нет, не весь, Сэм, не весь, — с этими словами Элинор включает телевизор и усаживается в шезлонг рядом с Сэмом. Телевизор старой модели разогревается довольно долго и наконец включается.

— Если все случившееся видится мне как драма, это вовсе не значит, что я не потрясен, — оправдывается Адриан. — Напротив, я потрясен несравненно больше, чем ожидал от себя. Пожалуй, не так сильно, как Фанни Таррант, однако…

— Фанни Таррант! Ты что, купился на это посыпание главы пеплом? — возмущается Сэм. — Да через пару дней она вернется на бойню. И она, и все остальное племя наемных писак.

С первыми словами ведущего Адриан тоже садится в шезлонг, приготовившись слушать вместе с Элинор и Сэмом.

— Не знаю, смерть может все перевернуть. Даже смерть человека незнакомого, если она достаточно…

— Поэтична? — подхватывает Сэм.

— Вот именно, "…при помощи сострадания и страха производит катарсис подобных аффектов", — цитирует Адриан.

— Старый добрый Аристотель! Что бы мы без него делали? — подхватывает Сэм.

— Мы жалеем жертву и страшимся за себя. Таково могущество трагедии, — продолжает Адриан.

— Помолчи немного, Христа ради, — не выдерживает Элинор, которая сидит между мужчинами. — Я ничего не слышу из-за тебя.

Представитель какого-то благотворительного общества беседует с ведущим о помощи пострадавшим от противопехотных мин, которой занималась принцесса.

— Ты, значит, думаешь, что мы нуждаемся в национальном катарсисе? — откинувшись назад, чтобы взглянуть в лицо Адриану за спиной Элинор, спрашивает Сэм.

На экране в это время идет архивная видеозапись: Диана в костюме "сафари" с высоко поднятой головой идет по линии, отмеченной саперами на заминированном поле, твердо ставя одну ногу перед другой.

— Ну, посмотрим, — заключает Сэм и обращается к Элинор: — Мне, пожалуй, пора, Элли. Где моя ваза? — Он встает и оглядывается по сторонам: ищет вазу.

— Ой, не уезжай, Сэм! — просит Элинор. — Оставайся.

— Ну, не знаю…

— Адриан, — говорит Элинор.

— Что?

— Скажи Сэму, чтобы остался.

— Останься, — произносит Адриан, не отрывая глаз от экрана.

— У меня джет-лег, — объясняет Сэм Элинор. — Я с ног валюсь — хочу спать.

— В гостевой комнате есть кровать, — уговаривает его Элинор.

— Я думал, она нужна… — мямлит Сэм, жалея, что затронул опасную тему, — Адриану.

Адриан всем корпусом поворачивается к Сэму и говорит:

— Садись. Я хочу, чтобы ты остался.

— Ну ладно, — соглашается Сэм и снова садится. Элинор пожимает ему руку. Они смотрят на экран. Клип с минным полем кончился. Ведущий вместе с вращающимся креслом разворачивается к зрителям.

— Он что, плачет? — не верит своим глазам Сэм. — По-моему, он плачет.

— Да, — подтверждает Элинор.

— Невероятно. Это просто невероятно.

Сэм потрясен.

— Вот видишь! — говорит Адриан.

Диктор спрашивает корреспондента, ведущего репортаж у Кенсингтонского дворца, проявляют ли люди, которые кладут у ограды цветы, враждебность по отношению к присутствующим там фоторепортерам, ведь известно, что *папарацци* причастны к произошедшей трагедии. Да, есть отдельные случаи, подтверждает репортер. Какая-то женщина кричала на фотографа: *Что еще вам от нее нужно?*

Из холла слышно, как в щель почтового ящика просовывают газеты, которые шлепаются на пол.

— Принесли газеты, — констатирует Элинор.

— Пойти за ними? — спрашивает Сэм.

— Нет, пусть лежат, — останавливает его Адриан, не отрывая глаз от экрана.

И они смотрят дальше.

Послесловие

Превратить театральную пьесу в прозаическое произведение — задача довольно необычная, тогда как инсценировать роман для фильма или телесериала — занятие более чем распространенное, у меня и самого есть опыт такого рода. "Беллетризация" фильмов и телесериалов — дело тоже общеизвестное, хотя и малопочтенное. И уж поистине несть числа прозаическим сочинениям, превращенным в пьесы — правда, сами авторы подобным переписыванием почти никогда не занимаются. Переделка же драматического произведения в беллетристическое — наверное, самый нетривиальный случай адаптации. Поэтому, может быть, стоит объяснить, зачем и каким образом я подверг подобной метаморфозе "Горькую правду".

Идеи, которые по большей части лежат в основе моих прозаических сочинений, обычно мне довольно долго и основательно приходится развивать и разветвлять, поскольку именно в таком виде они пригодны для романа. Пьесу же "Игра в писателей" я сочинил впервые, когда понял, что

основное содержание сводится к взаимоотношениям всего пяти человек — слушателей курса по литературному мастерству, живущих в одном кампусе, а, значит, интрига, в соответствии с требованиями классической драмы, отличается единством времени, места и действия. Когда в 1990 году я помогал Бирмингемскому репертуарному театру ставить "Игру в писателей", это было не только захватывающе интересно, но и по большей части приятно. Два театра, один за другим, поставили эту пьесу, еще немного — страшно сказать! — и ее бы приняли к производству в Лондоне и Нью-Йорке. Мне довольно настойчиво советовали не останавливаться на достигнутом и написать еще одну вещь (я и в самом деле задумал трилогию: три пьесы о литературной жизни в современном обществе). Как мне казалось, моя новая тема: интервьюирование знаменитостей — исполнена внутреннего драматизма.

Интервью как журналистский жанр появилось в Англии в XIX веке, перекочевав к нам из Америки, но в последнее время и состав собеседников, и площадь занимаемых интервью колонок невероятно разрослись. Когда в конце 50-х я только начинал писать романы, авторов редко интервьюировали, разве что очень и очень

знаменитых; просить у меня о чем-либо подобном никому не приходило в голову года эдак примерно до 1980-го. Сегодня же интервью — не только в газетах и журналах, но и на радио, и даже в Интернете — обязательная часть раскрутки чуть ли не любого художественного произведения.

Изменились за это время и отношения между интервьюером и интервьюируемым. То, что прежде было довольно пресным и вежливым способом общения, приобрело форму более агрессивную — разведки боем. Интервьюеры жаждут крови, жаждут новых кровавых разоблачений своих собеседников в обмен на бесплатную рекламу. Они стремятся к самоутверждению и демонстрации собственных литературных талантов. В результате и у них самих появляется шанс стать звездами, пусть и меньшей яркости. С другой стороны, их собеседникам случается испытывать горечь — они ощущают, что их оскорбили и предали.

Мне кажется, что интервью — идеальный драматургический материал, в котором есть место для борьбы, сделки, исповеди, искушения, а то и всего вместе. В пьесе я повысил ставки этого жанра, ибо в главной сцене писатель без ведома интервьюера сам его интервьюирует, рискуя при

этом выдать свою ревниво оберегаемую тайну. Когда я писал (и многократно переписывал) пьесу, труднее всего было встроить эту ситуацию в контекст человеческих взаимоотношений, а затем — найти развязку для возникших коллизий. Мне это долго не давалось, и лишь за два месяца до того, как пьеса была принята театром к постановке, я нашел устраивающую меня концовку.

Спектакль, сыгранный в Бирмингеме в феврале 1998 года, как мне кажется, публике понравился — чего не скажешь о критиках ведущих британских газет, чьи отзывы отнюдь не способствовали постановкам в Лондоне или где-либо еще.

В Бирмингеме пьесу посмотрели семь с половиной тысяч зрителей. Готовя текст к публикации в издательстве "Секер и Уорбург", я не льстил себя надеждой, что он привлечет к себе внимание тысяч читателей. Пьесы, даже принадлежащие перу известных драматургов, не расходятся большими тиражами. Время от времени в голове у меня мелькала мысль, что стоило бы, возможно, попробовать превратить пьесу в повесть.

Когда появился анонс о выходе "Горькой правды" в печать, удивительно много людей из журналистского, а также издательского мирка решили, что это мой новый роман, переделанный

из пьесы, а уразумев, что это не так, явно потеряли к моему детищу интерес. Это заставило меня еще крепче задуматься, а не превратить ли и в самом деле "Горькую правду" в прозу, и она будет иметь куда более широкое хождение, причем не только в Британии, но и в других странах, ведь ожидать, что пьесу когда-нибудь поставят или переиздадут, практически не приходится. Тем не менее я ничего не предпринимал в этом направлении, пока в марте 1999 года мне не довелось побывать в Париже на коллоквиуме по переводу. В аэропорту меня встретила моя французская издательница, которая только что прочла пьесу и чуть ли не с первой минуты заявила, что вещь ей понравилась и она намерена ее печатать. А уж когда я упомянул, что подумываю переделать ее в прозаическое повествование, энтузиазму ее не было границ. И я решил, что если вообще собираюсь этим заниматься, то делать это нужно прямо сейчас, и, как только вернулся домой, отложив в сторону другие дела, взялся за работу.

Новое воплощение "Горькой правды" всегда мне виделось как повесть, а не как роман: небольшая книжечка, сохраняющая строение и фактуру исходного материала. Видимо, одна из причин, в силу которых пьесы так редко беллетризуют,

состоит в том, что пьесу средней величины нужно основательно расширить, чтобы довести ее до объема среднего романа, а при дописывании рискуешь загубить самую суть — драматическую сосредоточенность на нескольких решающих эпизодах в жизни главных действующих лиц. Раздвинуть границы моей пьесы и "впустить" туда неторопливые описания прежней жизни или мыслительного процесса моих героев, как это обычно делается в романах, было бы, как я считал, серьезным просчетом. Единственное сколько-нибудь заметное послабление, которое я позволил себе в четвертой заключительной главе, — это бóльшая гибкость повествовательной формы, которая дала мне возможность передать изменившиеся чувства моей героини-журналистки глубже и обстоятельнее, чем дозволяют каноны "правильно" построенной пьесы.

Иначе говоря, история разворачивается как повесть за счет тех же диалогов, тех же взаимоотношений четырех действующих лиц и тех же трех эпизодов, произошедших за три недели, как и в пьесе. Здесь нет ни преимуществ авторского проникновения в сознание героев, ни ограничений, накладываемых точкой зрения лица, от которого ведется рассказ в ту или иную минуту.

Разумеется, в такой повествовательной технике нет ничего нового. Ею пользовались, более или менее последовательно, многие английские писатели XX века, восставшие против романа "потока сознания", — например, Ивлин Во, Кристофер Ишервуд и Генри Грин. Впоследствии ее с большим успехом применил Малколм Брэдбери в своем "Историке". Я в такой манере целую вещь написал впервые, как и впервые написал повесть.

"Вытанцевалась" ли она, судить читателю, но для меня это было увлекательное и полезное занятие; в работе мне очень пригодились замечания и поправки, относившиеся к постановочному периоду, а также собственные мои впечатления от увиденного на сцене во время репетиций. Любопытно, что все исправления, которые вносятся в текст пьесы во время ее обсуждения, считаются интеллектуальной собственностью драматурга, независимо от того, кто истинный их автор. По меньшей мере одну шутку нужно поставить в заслугу Брайену Продеро, исполнителю роли Адриана, а заодно и множество жестов и смысловых нюансов, попавших в повесть из спектакля. С другой стороны, некоторые строчки и эпизоды, которые мне пришлось вырезать из текста на

разных стадиях постановки — из-за того ли, что они затягивали действие, или же не годились для передачи на сцене, — в повести пришлись очень кстати. Таковы, например, цитаты из ядовитого очерка Фанни Таррант о Сэме Шарпе. И когда при написании повести все купюры пошли в дело, это — как и многое другое — стало для меня нечаянной радостью, потому что, как и большинство писателей, наверное, — я терпеть не могу выбрасывать свой труд в корзину.

Дэвид Лодж